

КНИГИ ЭЛИФ ШАФАК ПЕРЕВЕДЕНЫ НА 55 ЯЗЫКОВ!

ЭЛИФ ШАФАК

Смелый
и берущий за душу
роман.

Kirkus

ОСТРОВ ПРОПАВШИХ ДЕРЕВЬЕВ

ВПЕРВЫЕ
НА РУССКОМ!

Мудрый роман о любви и разлуке, о корнях и ветвях, об эмиграции и обретении дома, о вере и надежде. Это бальзам на раны нашего больного времени.

Дэвид Митчелл

Азбука-бестселлер

Элиф Шафак

Остров пропавших деревьев

«Азбука-Аттикус»

2021

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Шафак Э.

Остров пропавших деревьев / Э. Шафак — «Азбука-Аттикус»,
2021 — (Азбука-бестселлер)

ISBN 978-5-389-21087-5

Кипр. 1974 год. Пара юных влюбленных, грек Костас и турчанка Дефне, тайно встречаются в романтической таверне под сенью старого фигового дерева, растущего прямо в зале. Дерево это становится свидетелем трагических событий, расколовших пополам некогда мирный прекрасный остров, исковеркавших судьбы его обитателей и, казалось, навсегда разлучивших Костаса и Дефне... Лондон. Конец 2010-х годов. В саду дома, где с Костасом живет его шестнадцатилетняя дочь Ада, растет молодое фиговое дерево. Для Ады это единственное связующее звено с островом, где она никогда не была, и с драматической историей ее семьи, которая, подобно дереву, уходит корнями в далекое прошлое... «Остров пропавших деревьев» – трогательная, романтическая история любви на фоне междоусобиц и ужасов гражданской войны. Впервые на русском языке!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-21087-5

© Шафак Э., 2021
© Азбука-Аттикус, 2021

Содержание

Остров	6
Часть первая	9
Девочка по имени Остров	9
Фиговое дерево	15
Классная комната	18
Фиговое дерево	21
Вечер	25
Фиговое дерево	29
Как закопать фиговое дерево за десять шагов	31
Незнакомка	32
Фиговое дерево	35
Сад	37
Фиговое дерево	41
Банкет	43
Часть вторая	46
Любовники	46
Фиговое дерево	49
Убежище	50
Фиговое дерево	52
Таверна	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Элиф Шафак

Остров пропавших деревьев

Посвящается эмигрантам и изгнанникам, вырванным с корнем, заново укоренившимся лишившимся своих корней, и оставленным нами деревьям, пустившим корни в наших воспоминаниях...

Кто не знает чилийского леса – не знает нашей планеты. На этих землях, на этой почве родился я, из этого молчания я вышел в мир, чтобы странствовать по нему и петь.

Пабло Неруда. Признаюсь: я жил. Воспоминания
(Перевод Л. П. Синянской, Э. В. Брагинской, П. М. Грушко)

Он хочет крови. Кровь смывают кровью. Преданье есть: сходили камни с мест, деревья говорили...

У. Шекспир. Макбет, акт III
(Перевод Б. Пастернака)

Elif Shafak
THE ISLAND OF MISSING TREES

Copyright © Elif Shafak, 2021

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency
All rights reserved

© О. Э. Александрова, перевод, 2022

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

Остров

Давным-давно, в незапамятные времена, на краю Средиземного моря лежал лазоревый остров такой неземной красоты, что влюбившиеся в него путешественники, пилигримы и крестоносцы не желали оттуда уезжать, а кое-кому даже хотелось привязать остров канатами, чтобы отбуксировать в свою страну.

Впрочем, все это, возможно, легенды.

Но легенды на то и существуют, чтобы поведать нам то, о чем забыла история.

Прошло много лет с тех пор, как я навсегда покинула это райское место на борту самолета, в чемодане из мягкой черной кожи. С тех пор меня удочерила другая страна, Англия, где я росла и цвела пышным цветом. Но не было и дня, чтобы я не мечтала вернуться. Домой. На свою родину.

Моя родина, должно быть, все еще там, где я ее оставила: среди пенистых волн, бьющихся о рваную береговую линию. На пересечении дорог трех континентов – Европы, Африки, Азии – и Леванта, обширного непроходимого региона, бесследно исчезнувшего с современных карт.

Карта – это двухмерное представление с произвольно нанесенными символами и врезанными линиями, призванными решать, кто будет нашим врагом, а кто – другом, кто заслуживает нашей любви, кто – ненависти, а кто – безразличия.

Картография – еще одно название для историй, рассказываемых победителями.

Для историй, рассказываемых проигравшими, названия нет.

* * *

Вот что я помню: золотые пляжи, бирюзовые воды, прозрачные небеса. Каждый год морские черепахи выползали на сушу, чтобы отложить яйца в рыхлом песке. Предвечерний ветер разносил ароматы гардении, цикламенов, лаванды, жимолости. Исполненные надежд, словно истинные мечтатели, развесистые плети глицинии карабкались по беленым стенам домов, пытаясь дотянуться до облаков. Когда ночь покрывала тебя поцелуями, в ее дыхании чувствовался запах жасмина. Ласковая луна, нависавшая над крышами домов, озаряла ярким, живым светом переулки и мощеные улочки. И все же мрачным теням удавалось просочиться сквозь свет. Тревожные, заговорщицкие шепотки пульсировали в темноте. Ведь остров был расколот на две части: северную и южную. И в каждой был другой язык, другой алфавит, другая память, и когда островитяне молились, то чаще всего разным богам.

Столица была разделена буферной зоной, разрезавшей город подобно ране на сердце. Вдоль демаркационной линии виднелись изрешеченные пулями ветхие дома, перепаханые взрывами гранат дворы, обреченные на разрушение заколоченные лавки, криво висевшие на сломанных петлях узорчатые ворота, ржавевшие под слоем пыли роскошные старые автомобили. Дороги были заблокированы мотками колючей проволоки, мешками с песком, бочонками с цементом, противотанковыми рвами и сторожевыми вышками. Улицы резко заканчивались, словно оборванные мысли и не нашедшие выхода чувства.

Солдаты с автоматами совершали патрулирование или несли охрану демаркационной линии: молодые, скучающие, одинокие мужчины из самых разных уголков мира, которые почти ничего не знали об острове и о его сложной истории, пока их не швырнули в это непривычное окружение. Все стены заклеены официальными предупреждениями, написанными яркими прописными буквами.

**ПРОХОД ВОСПРЕЩЕН.
НЕ ПОДХОДИТЬ. ЗАПРЕТНАЯ ЗОНА!**

ФОТО- И КИНОСЪЕМКА ЗАПРЕЩЕНЫ.

Какой-то прохожий, нарушив закон, написал мелом на баррикаде из бочек:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА НИЧЬЮ ЗЕМЛЮ!

Линия раздела, рассекающая Кипр от края до края, – патрулируемая миротворческими силами ООН буферная зона сто десять миль длиной; в одних местах ее ширина составляет четыре мили, а в других – всего-навсего несколько ярдов. Она проходит через заброшенные деревни, внутренние районы побережья, болота, залежные земли, сосновые леса, плодородные долины, медные рудники и археологические раскопки, изменяя свое направление, словно высохшее русло древней реки. Но линия эта пересекала и окружала столицу, где становилась гораздо заметнее, ощутимее и, таким образом, навязчивее.

Никосия – единственная разделенная столица в мире.

При таком описании это кажется вполне позитивной вещью: есть тут нечто особенное, если не уникальное, ощущение вызова законам притяжения, будто одинокая песчинка, устремленная вверх в перевернутых песочных часах. Но на самом деле Никосия вовсе не являлась исключением. Просто еще одно название в списке сегрегированных и разделенных сообществ, ушедших в историю, и тех, кто на очереди. Хотя в тот момент Никосия стояла особняком. Последний разделенный город Европы.

Мой родной город.

* * *

Существует масса вещей, для которых граница, даже такая четко очерченная и хорошо охраняемая, как эта, не является препятствием. Это пассатные ветры, на удивление сильные, но получившие тающие на языке названия: *мельтем* или *мельтеми*¹. Это бабочки, кузнечики, ящерицы. Улитки, хотя и болезненно медлительные. Ну и время от времени детский воздушный шарик, который, вырвавшись на свободу, взмывает высоко в небо и перелетает на вражескую территорию.

А еще птицы. Голубые цапли, черноголовые овсянки, осоеды, желтые трясогузки, дымчатые пеночки, нубийские сорокопуть и мои любимые обыкновенные иволги. Мигрирующие из Северного полушария в основном по ночам, когда темнота сгущается на кончиках крыльев и рисует вокруг глаз красные круги, иволги делают на острове остановку посреди долгого пути, после чего направляются дальше в сторону Африки. Для них остров – это место отдыха, пробыл в истории, лагуна.

В Никосии есть гора, где кормятся птицы с самым различным оперением. Она сплошь поросла ежевикой, жгучей крапивой и кустами вереска. Среди густых зарослей прячется старый колодец с прохудившимся за ненадобностью и облепленным водорослями железным ведром на веревке. Внутри колодца темно, хоть глаз выколи, и очень холодно даже под палящим полуденным солнцем. Колодец – это прожорливый рот в ожидании пропитания. Он пожирает каждый лучик света, каждую крупицу тепла, удерживая каждую пылинку в своей бездонной каменной глотке.

Если вы случайно окажетесь поблизости и если, ведомые инстинктом или любопытством, нагнетесь над колодцем, посмотрите вниз и дадите глазам привыкнуть, то заметите в глубине колодца загадочный блеск. Но не дайте ему себя обмануть. Там, внизу, нет рыбы. Нет змей. Нет скорпионов. Нет пауков, свисающих на шелковых нитях. Этот блеск исходит не от живого

¹ *Мельтем* (тур.), или *мельтеми* (греч.), – регулярный, внезапно начинающийся летний северо-восточный ветер на побережье.

существа, а от старинных золотых (восемнадцать каратов) карманных часов, инкрустированных перламутром и с выгравированными стихотворными строками:

Прибытие написано тебе на роду.
Но путешествуй неспешно...²

А на задней части часов всего две буквы:

Й и Ю

Глубина колодца – тридцать четыре фута, ширина – четыре фута. Он сделан из уложенных ровными рядами тесаных камней, спускающихся к безмолвным затхлым водам внизу. На дне колодца покоятся двое мужчин. Хозяева популярной таверны. Оба худощавого телосложения, среднего роста, очень лопоухие, что служило предметом обоюдного подшучивания. Оба родились и воспитывались на острове, обоим было за сорок, когда их похитили, изувечили и убили. Сковали одной цепью и бросили в колодец, а для надежности привязали к цепи трехлитровую банку из-под оливкового масла с цементом. Карманные часы, которые были у одного из них при себе в день похищения, остановились ровно в двадцать три часа пятьдесят две минуты.

Время – это певчая птица, и, как и любую певчую птицу, его можно поймать. И держать, точно пленника, в клетке даже дольше, чем хватит воображения. Но время невозможно контролировать до бесконечности.

Никакое заточение не длится вечно.

В один прекрасный день ржавчина от воды проест металл и цепи лопнут, а твердое бетонное сердце смягчится подобно тому, как с годами смягчаются самые твердые сердца. И тогда получившие наконец свободу тела, мерцая в отраженном солнечном свете, всплывут навстречу клочку неба над головой. Они начнут подниматься к блаженной голубизне сперва медленно, а затем быстро и лихорадочно, словно ловцы жемчуга, жаждущие глотнуть свежего воздуха.

Рано или поздно старый полуразвалившийся колодец на одиноком прекрасном острове в дальнем конце Средиземного моря окончательно развалится, и его тайна всплывет на поверхность. Ведь все тайное неизбежно становится явным.

² К. Кавафис. Итака. Пер. Галины Изъер.

Часть первая Как закопать дерево

Девочка по имени Остров

Англия, конец 2010-х годов

В средней школе Брук-Хилл на севере Лондона шел последний урок года. Классная комната учащихся последнего года обучения. Урок истории. Пятнадцать минут до звонка. Ученики нетерпеливо ерзали в предвкушении рождественских каникул. Все ученики, за исключением одного.

Ада Казандзакис, шестнадцать лет от роду, сидела, как всегда спокойно и сосредоточенно, на своем месте у окна в заднем ряду. Ее волосы цвета полированного красного дерева были собраны в длинный конский хвост. Ее лицо с тонкими чертами было напряжено и вытянуто, а большие карие оленьи глаза говорили о нехватке сна накануне ночью. Она вовсе не предвкушала праздничный сезон, и ее отнюдь не вдохновляла перспектива первого снегопада. Время от времени она украдкой поглядывала в окно, но выражение ее лица при этом оставалось прежним.

Около полудня пошел град; молочно-белые ледяные катышки сбивали с деревьев последние листья, барабанили по навесу для велосипедов, отскакивали от земли, отбивая дикую чечетку. Затем град улегся, но даже невооруженным глазом было видно, что погода решительно испортилась. И вот-вот разразится снежная буря. Утром по радио объявили, что в ближайшие сорок восемь часов Британия окажется в зоне влияния полярного вихря, который принесет с собой аномально низкие температуры, ледяные дожди и метели. Перебои с водоснабжением, отключение электричества и прорывы основных сетей жизнеобеспечения могли парализовать ряд районов Англии и Шотландии, а также Северной Европы. Люди запасались всем необходимым: рыбными консервами, печеными бобами, пастой, туалетной бумагой, – словно готовились к длительной осаде.

Учащиеся весь день жаловались на непогоду, опасаясь срыва планов на каникулы и предстоящих поездок. Но только не Ада. Девушку не ждали ни семейные сборища, ни экзотические пункты назначения. Ее отец не собирался никуда ехать. У него была срочная работа. Всегда срочная работа. Отец Ады был неисправимым трудоголиком, что мог бы подтвердить любой, кто его знал, а после смерти жены он углубился в свои исследования, подобно норному животному, которое роет подземный ход в поисках тепла и безопасности.

На каком-то этапе своего детства Ада вдруг поняла, что ее отец совсем не похож на других отцов, однако не смогла отнестись с пониманием к его увлечению растениями. Другие отцы работали в офисах, магазинах или правительственных учреждениях и носили хорошо сшитые костюмы, белые рубашки и начищенные черные туфли, тогда как ее отец вечно ходил в непромокаемой куртке, оливковых или коричневых молескиновых штанах и потрепанных ботинках. Вместо портфеля у него была сумка через плечо, в которой лежали самые разнообразные вещи вроде лупы, набора для препарирования, гербарной сетки, компаса и блокнотов. Другие отцы беспрестанно разглагольствовали о бизнесе и пенсионных планах, но отца Ады больше интересовало токсичное воздействие пестицидов на созревание семян или экологические последствия заготовки древесины. Он говорил о пагубном воздействии вырубке лесов с такой страстью, какую другие мужчины приберегали для рассказов о колебаниях курса акций в их личном портфеле. Эколог-эволюционист и ботаник, он опубликовал двенадцать книг. Одна из них называлась «Загадочное королевство. Как грибы сформировали наше прошлое и

меняют наше будущее». Другая его монография была посвящена роголистникам, печеночникам и мхам. На обложке художник изобразил каменный мост над ручьем, пенящимся вокруг покрытых бархатистой зеленью камней. Над этой романтической картинкой сияло написанное золотом название: «Справочник по типичным бриофитам Европы». А внизу прописными буквами напечатана фамилия автора: КОСТАС КАЗАНДЗАКИС.

Ада понятия не имела, кто станет читать книги типа тех, что пишет ее отец, и не осмеливалась упомянуть о них в школе. Не хотела давать одноклассникам лишний повод считать ее, Аду, да и всю семью странными.

Независимо от времени суток отец Ады явно предпочитал общество деревьев обществу людей. Он всегда был таким, но мать Ады, когда была жива, умела умерять его эксцентричность, возможно, потому что сама отличалась от других. Однако после смерти матери Ада почувствовала, что отец постепенно отдаляется от нее, а быть может, это она отдалялась от него. Трудно сказать, кто кого избегал в этом доме, пропитанном миазмами скорби. Итак, они останутся в Лондоне, они оба, и не только пока длится буря, но и на все Рождество. Ада надеялась, что отец не забыл сходить за покупками.

Она перевела глаза на свой блокнот. На открытой странице, в самом низу, она еще раньше нарисовала бабочку. И сейчас очень медленно обвела крылья, настолько хрупкие, что вот-вот сломаются.

– Эй, у тебя есть жвачка?

Выйдя из задумчивости, Ада повернула голову. Девочке нравилось сидеть сзади, хотя это означало соседство с Эммой Роуз, у которой была отвратительная манера хрустеть костяшками пальцев, постоянно жевать жвачку, что в школе было категорически запрещено, и муссировать никому не интересные, кроме нее, темы.

– Нет. Прости. – Покачав головой, Ада нервно посмотрела на учительницу.

– История – это самый увлекательный предмет, – продолжала говорить миссис Уолкотт; ее уличные туфли стояли за учительским столом, словно для острастки учеников, всех двадцати девяти, ей нужна была баррикада сзади. – Разве можно строить будущее, не зная своего прошлого?

– Ой, терпеть ее не могу! – едва слышно прошептала Эмма Роуз.

Ада не стала это комментировать. Тем более что она не была уверена, кого именно имела в виду Эмма Роуз: ее или учительницу. Если первое, то ей, Аде, нечего сказать в свою защиту. Если последнее, то она не собиралась присоединиться к поношению учительницы. Аде нравилась миссис Уолкотт, которая при самых благих намерениях испытывала некоторые трудности с поддержанием дисциплины в классе. Ада слышала, что учительница несколько лет назад потеряла мужа, и неоднократно представляла себе ежедневную жизнь миссис Уолкотт: как она по утрам вытаскивала свое пухлое тело из постели, поскорее бежала в душ, пока не закончилась горячая вода, рылась в шкафу в поисках подходящего платья, не слишком отличавшегося от вчерашнего подходящего платья, готовила на скорую руку завтрак для своих близнецов, после чего с виноватым лицом и извиняющимися нотками в голосе закидывала их в детский сад. А еще Ада представляла, как ее учительница трогала себя ночью в постели, рисуя руками круги под хлопковой ночнушкой, и как приглашала к себе мужчин, оставлявших мокрые следы на ковре и горечь в душе.

Ада не знала, насколько ее фантазии совпадали с реальностью, хотя и подозревала, что все происходило именно так. Это было ее особым даром. Возможно, единственным. Она умела распознавать грусть других людей так же, как животные за милую чуют себе подобных.

– Хорошо, класс. Последнее замечание перед тем, как я вас отпущу! – хлопнула в ладоши миссис Уолкотт. – После каникул мы приступим к изучению миграции и смены поколений. Это будет приятным отвлечением перед тем, как мы засучив рукава займемся подготовкой к экзаменам для получения аттестата о среднем школьном образовании. Поэтому я хочу попро-

свить вас взять во время каникул интервью у какого-нибудь пожилого родственника. Лучше всего у бабушки и дедушки, но, в принципе, можно у любого другого члена семьи. Узнайте у них, что интересного было в их молодости, и возвращайтесь с эссе на четыре-пять страниц. – По классной комнате прокатился дружный вздох разочарования, однако миссис Уолкотт, проигнорировав негативный настрой класса, продолжила: – И постарайтесь подкрепить ваше сочинение историческими фактами. Я хочу получить обоснованное исследование, а не пустые домыслы. – (Очередные охи и вздохи.) – Ой, и не забудьте проверить, нет ли у вас дома каких-либо фамильных вещей: старинного кольца, подвенечного платья, комплекта винтажного фарфора, лоскутного одеяла ручной работы, шкатулки с письмами или семейными рецептами, короче, с любыми памятными вещами.

Ада опустила глаза. Она никогда не видела своих родственников ни со стороны отца, ни со стороны матери, хотя знала, что они живут где-то на Кипре, и этим ее знания ограничивались. Что они за люди? Чем занимались? Узнают ли ее, Аду, случайно встретившись с ней на улице или столкнувшись в супермаркете? Единственной близкой родственницей, о которой она слышала, была некая тетя Мерьем, которая присылала жизнерадостные открытки с изображением солнечных пляжей и цветущих лугов, что шло вразрез с полным отсутствием тети Мерьем в жизни Ады и ее отца.

Если родственники Ады были для нее тайной за семью печатями, то Кипр оставался еще большей загадкой. Она видела в Интернете картинки, но ни разу не была в месте, в честь которого ее назвали.

На родном языке матери девочки имя Ада означало «остров». В раннем детстве Ада считала, что ее назвали в честь Британских островов, единственных островов, которые она когда-либо знала, и уж потом поняла, что на самом деле это совсем другой остров, далеко отсюда, где ее и зачали. Открытие смутило и даже взволновало Аду. Это, во-первых, напомнило ей о том, что родители занимались сексом, о чем ей не хотелось думать; а во-вторых, неизбежно связывало Аду с местом, существовавшим лишь в ее воображении. И тогда она дополнила своим именем коллекцию неанглийских слов, которые обычно носила в карманах. Эти слова при всей своей необычности и красочности по-прежнему казались далекими и непостижимыми, словно идеальная галька, которую ты подобрал на берегу и принес домой, толком не зная, что с ней делать. У Ады накопилось достаточно подобных слов. И кое-каких идиом. А еще песенок и веселых мотивов. Но вся штука была в том, что родители не научили дочь своим родным языкам, предпочитая общаться дома исключительно по-английски. Ада не знала ни греческого, родного языка отца, ни турецкого – языка матери.

Когда, став постарше, Ада спрашивала, почему они до сих пор не съездили на Кипр повидать родственников или почему родственники не приезжают к ним в гости в Англию, родители выдавали ей целый набор отговорок. Время неподходящее, слишком много работы или чрезмерные расходы, которых не потянуть... И постепенно в душу Ады стало закрадываться подозрение, что, возможно, родственники родителей не одобрили их брак. А значит, и ее, как плод этого брака, тоже на самом деле не одобрили. Однако Ада до последнего лелеяла надежду, что если бы хоть кто-нибудь из их многочисленных родственников провел время с ней и ее родителями, то им простили бы все то, чего так долго не могли простить.

Впрочем, после маминой смерти Ада перестала задавать вопросы о своей родне. Раз уж эти люди не пришли на похороны кого-то из своих, то вряд ли у них есть хотя бы капля любви к ребенку покойной – девочке, которую они в глаза не видели.

– Когда будете брать интервью, не судите строго старшее поколение, – сказала миссис Уолкотт. – Слушайте внимательно и постарайтесь посмотреть на вещи их глазами. И не забудьте записать весь разговор.

Учительницу прервал сидевший в переднем ряду Джейсон:

– А если нам придется брать интервью у нацистского преступника, с ним тоже нужно быть милым?

– Ну это уже крайности, – вздохнула миссис Уолкотт. – Нет, я отнюдь не требую от вас, чтобы вы были милыми с такого рода людьми.

Джейсон ухмыльнулся, словно заработал очко.

– Мисс! – пропела Эмма Роуз. – У нас дома есть старинная скрипка. Она может считаться фамильной вещью?

– Конечно. Если скрипка принадлежала нескольким поколениям вашей семьи.

– О да, она у нас уже очень давно, – просияла Эмма Роуз. – Мама говорит, скрипку изготовили в Вене в девятнадцатом веке. Или в восемнадцатом? Короче, скрипка очень ценная, но мы не собираемся ее продавать.

Руку поднял Зафар:

– У нас есть сундук для приданого, который принадлежал моей бабушке. Она привезла его с собой из Пенджаба. Сундук подойдет?

У Ады глухо стукнуло сердце, и она уже не слышала ответа учительницы или конец разговора. Девочка напряглась, стараясь не смотреть на Зафара, чтобы не выдать своих чувств.

Месяц назад их с Зафаром неожиданно поставили в пару для научного проекта: им нужно было собрать прибор для измерения калорийности различных видов пищи. После нескольких дней бесплодных попыток договориться о встрече Ада сдалась и самостоятельно выполнила большую часть исследования. Подобрала научные статьи, купила набор инструментов, собрала калориметр. В результате им обоим поставили «отлично». Зафар с едва заметной улыбкой поблагодарил Аду, но его «спасибо» прозвучало настолько неуклюже, что это можно было объяснить нечистой совестью, равно как и полным равнодушием. С тех пор они больше не разговаривали.

Ада еще ни разу не целовалась с мальчиком. Всем девочкам ее возраста было что рассказать – правду или вымысел, – когда они собирались в раздевалке до или после урока физкультуры, но только не Аде. Ее молчание не ускользнуло от внимания одноклассниц, сделав Аду объектом насмешек и розыгрышей. Однажды она нашла в своем рюкзаке порнографический журнал, засунутый туда чьими-то шаловливыми руками специально, чтобы напугать ее до мокрых штанов. Весь день Ада ходила сама не своя, опасаясь, что учитель обнаружит журнал и сообщит отцу. Не то чтобы она так же сильно боялась отца, как многие одноклассники боялись своих. Нет, Ада испытывала отнюдь не страх. И даже не вину, когда решила оставить журнал у себя. Она не рассказала отцу об этом инциденте, впрочем как и о многих других, совсем по другой причине. Ада перестала делиться с отцом с тех пор, как на подсознательном уровне поняла, что должна ограждать его от любой новой боли.

Если бы мама была жива, Ада, возможно, и показала бы ей журнал. Возможно, они пролистали бы журнал вместе, весело хихикая. И возможно, обсудили бы его с кружкой горячего шоколада в руках, вдыхая ароматный пар. Ее мама понимала непокорные мысли, непослушные мысли, она умела видеть *обратную сторону Луны*. Она даже как-то раз полушутливо сказала, что слишком строптива, чтобы быть хорошей матерью, и слишком хорошая мать, чтобы быть строптивной. И только теперь, после маминой смерти, Ада наконец поняла: несмотря ни на что, мама была хорошей матерью, оставаясь при этом строптивной. После ее смерти прошло ровно одиннадцать месяцев и восемь дней. Первое Рождество, которое Аде придется встречать без матери.

– Ада, а ты что думаешь? – неожиданно спросила ее миссис Уолкотт. – Ты с этим согласна?

Девочке, вернувшейся к своему рисунку, потребовалась еще секунда, чтобы, оторвав взгляд от бабочки, понять, что учительница на нее смотрит. Ада покраснела до корней волос. Ее спина напряглась, словно тело уже почувало опасность, которую еще предстояло осознать.

Когда к Аде наконец вернулся дар речи, ее голос так сильно дрожал, что она даже засомневалась, удалось ли ей хоть что-то произнести.

– Прошу прощения?

– Я спросила, как, по-твоему, Джейсон прав или нет?

– Простите, мисс... прав насчет чего?

По классу прокатилось сдавленное хихиканье.

– Мы говорили о семейных ценностях, – устало улыбнулась миссис Уолкотт. – Зафар упомянул сундук для приданого своей бабушки. А Джейсон сказал, что только женщины цепляются за сувениры и безделушки из прошлого. И мне хотелось бы узнать, согласна ты с этим заявлением или нет.

Ада проглотила ком в горле. И почувствовала, как застучало в висках. Ее окутала тишина, плотная и вязкая. Девочка представила, как тишина эта растекается темными чернилами по связанным крючком белым салфеточкам вроде тех, что она однажды нашла в ящике маминого туалетного столика. Аккуратно разрезанные – на грани одержимости – на мелкие кусочки, переложенные папиросной бумагой, словно мать Ады не могла оставить их в прежнем виде, но и выбросить тоже не могла.

– Есть какие-нибудь мысли? – Голос миссис Уолкотт звучал ласково, но настойчиво.

Медленно, толком не понимая зачем, Ада поднялась, ножки стула пронзительно царапнули по каменным плитам пола. Ада откашлялась, хотя не имела абсолютно никакого понятия, о чем говорить. В голове стало пусто. Испуганная бабочка на открытой странице взмыла в воздух в отчаянном стремлении улететь, хотя недорисованные и размытые по краям крылья были слишком слабы.

– Я... я не думаю, что так делают только женщины. Мой папа, например, тоже.

– Тоже делает? – удивилась миссис Уолкотт. – И что именно?

Теперь уже все одноклассники уставились на Аду, ожидая, что она скажет хоть что-то осмысленное. У одних в глазах сквозила тихая жалость, у других – неприкрытое безразличие, что для Ады было даже предпочтительнее. Она чувствовала себя оторванной от их коллективных ожиданий, в ушах росло давление, будто она уходила под воду.

– Ты можешь привести нам пример? – попросила учительница. – Что именно собирает твой папа?

– Хм... Мой папа... – протянула Ада и запнулась.

Что она могла им о рассказать о своем папе? Что иногда он забывал есть и даже говорить, а потому целыми днями питался кое-как и не произносил ни единой законченной фразы, или что папа, будь у него такая возможность, провел бы остаток жизни в саду за домом, а еще лучше – где-нибудь в лесу, зарывшись руками в землю, в окружении бактерий, грибов и всех тех растений, которые вырастают и тотчас же погибают? Что такого она могла рассказать о своем папе, чтобы одноклассники поняли, какой он человек, если она сама с трудом его узнавала?

Поэтому Ада произнесла лишь одно слово:

– Растения.

– Растения... – эхом повторила миссис Уолкотт, ее лицо озадаченно скривилось.

– Мой папа их обожает! – выпалила Ада, сразу же пожалев о выборе слов.

– Ой, какая прелесть!.. Он влюблен в цветочки! – сладким голосом произнес Джейсон.

Класс взорвался неконтролируемым смехом. Ада заметила, что даже ее друг Эд прячет от нее глаза и, сгорбившись и опустив голову, делает вид, будто читает учебник. Она отыскала взглядом Зафара и обнаружила, что его яркие карие глаза, которые раньше в упор ее не видели, смотрят с любопытством, граничащим с беспокойством.

– Это, конечно, очень мило, – сказала миссис Уолкотт. – Но ты можешь назвать какой-нибудь предмет, который ему особенно дорог? Что-то имеющее для него эмоциональную ценность.

В тот момент Аде ничего так не хотелось, как найти нужные слова. Почему они от нее прячутся? У Ады вдруг скрутило живот от боли, такой острой, что несколько секунд она не могла дышать и тем более говорить. И тем не менее она заговорила, а заговорив, услышала свои слова:

– Он проводит много времени с деревьями. – (Миссис Уолкотт едва заметно кивнула, ее улыбка начала увядать.) – Чаще всего с фиговым деревом. Думаю, это его любимое.

– Ну ладно. Можешь сесть на место, – кивнула миссис Уолкотт.

Но Ада не послушалась. Боль, пронзившая грудную клетку, искала выход. Грудь сжало невидимыми тисками. Ада почувствовала, что теряет ориентацию, пол под ногами начал качаться.

– Боже, она такая стремная! – прошептал кто-то так громко, что Ада услышала.

Она зажмурилась еще крепче – замечание обожгло ее, оставив свежий след. Однако ни слова, ни дела одноклассников не могли сравниться с ее ненавистью к себе. Что с ней не так? Почему она не может ответить на простой вопрос, как все нормальные люди?

В детстве она любила кружиться, стоя на турецком ковре, пока все вокруг не начинало плыть перед глазами, и тогда Ада падала на пол и смотрела, как вертится мир. Она до сих пор помнит вытканый вручную узор, превращающийся в тысячу искр, цвета, мягко перетекающие друг в друга: алый – в зеленый, желто-оранжевый – в белый. Но сейчас голова кружилась совсем по-другому. У Ады вдруг возникло стойкое ощущение, что она попала в ловушку, дверь захлопнулась, громко лязгнул засов. Девочка оцепенела.

В прошлом она не раз подозревала, что ее затянуло в печаль, которая была не совсем ее собственной. На уроках естествознания ребята узнали, что одну хромосому они наследуют от матери, а другую – от отца: длинные нити ДНК с тысячами генов, создающих миллиарды нейронов с триллионами связей. От родителей потомству передается самая разная генетическая информация, такая как продолжительность жизни, развитие, репродуктивность, цвет волос, форма носа, веснушки или реакция на солнечный цвет в виде чиханья – короче, все, все, все. Однако на этих уроках Ада не получила ответа на самый главный, мучивший ее вопрос: можно ли унаследовать нечто столь неосознанное и эфемерное, как печаль?

– Можешь сесть на место, – повторила миссис Уолкотт, а когда Ада не шелохнулась, спросила: – Ада... ты слышала, что я сказала?

Оставшись стоять столбом, Ада попыталась проглотить наполнившее горло и забивший ноздри страх. На вкус страх походил на морскую воду под жгучим, палящим солнцем. Она потрогала его кончиком языка. Это был не морской рассол, а теплая кровь. Ада прикусила щеку.

Ада посмотрела в окно, за которым формировалась буря. В свинцово-сером небе между грядками облаков на горизонте виднелась кроваво-красная полоса, похожая на незажившую старую рану.

– Сядь, пожалуйста, – послышался голос учительницы.

Но Ада снова не послушалась.

Позднее, гораздо позднее, когда худшее уже случилось и она лежала в постели, мучаясь бессонницей и прислушиваясь, как отец, тоже не спавший, бродит по дому, Ада Казандзакис восстановит в памяти тот страшный момент, ту трещину во времени, когда она могла послушаться приказа и вернуться на место, оставшись более-менее незаметной для одноклассников, незаметной, а значит, непотревоженной. Ада могла бы не будить лиха, если бы сумела вовремя остановиться и не делать того, что она сделала потом.

Фиговое дерево

Этим днем, когда над Лондоном нависли штормовые облака и мир окрасился в цвет меланхолии, Костас Казандзакис закопал меня в саду. В саду за домом. Вот так-то. Обычно мне нравилось быть там в окружении пышных камелий, душистой жимолости и гаммелиса с его похожими на пауков цветами, но сегодняшний день не был обычным. Я попыталась взбодриться и посмотреть на вещи со светлой стороны. Нельзя сказать, чтобы это сильно помогло. Я нервничала, мучимая мрачными предчувствиями. Меня еще никогда не закапывали.

Костас трудился на холоде с раннего утра. Его лоб покрылся тонкой пленкой пота, блевшей всякий раз, как Костас втыкал лопату в затвердевшую землю. У него за спиной нависали деревянные шпалеры, летом увитые плетистыми розами и клематисом, но сейчас являвшиеся всего-навсего решетчатым барьером между нашим садом и террасой соседа. Возле кожаных ботинок Костаса вдоль серебристого следа улитки медленно росла куча земли, вязкой, осыпавшейся под руками. Из рта Костаса вырывались замерзшие облачка, его плечи напрягались под темно-синей паркой, купленной в магазине винтажной одежды на Портобелло-Роуд, костяшки пальцев, красные и ободранные, слегка кровоточили, но Костас, казалось, ничего не замечал.

Мне было холодно и, хотя я не желала в этом признаваться, очень страшно. Жаль, что я не могла поделиться своими переживаниями с Костасом. Но даже если бы я и умела говорить, то он, поглощенный собственными мыслями, меня не услышал бы, поскольку продолжал упорно копать, даже не глядя в мою сторону. Закончив, он уберет лопату, посмотрит в мою сторону своими серо-зелеными глазами, повидавшими, насколько мне известно, и горе, и радость, после чего опустит меня в траншею в земле.

До Рождества осталось несколько дней, вся округа сверкала разноцветными электрическими огнями, ослепляя металлическим мишурным блеском. Надувные Санты и олени с пластиковыми улыбками. Нарядные мерцающие гирлянды свисали с навесов магазинов, в окнах домов мигали звезды, будто приглашая заглянуть в чужую жизнь, казавшуюся волнующей и счастливой, но отнюдь не тяжелой.

В живой изгороди запела славка – пронзительно и скрипуче. Интересно, что забыла в нашем саду в это время года североафриканская певчая птица? Почему не улетела в теплые края с остальными пернатыми, которые, должно быть, уже направляются на юг и, слегка изменив курс, могут оказаться на Кипре, моей родине?

Я знала, что время от времени они теряются, птицы из подотряда воробьиных. Редко, но такое случалось. И когда птицы не могли продолжить путешествие, что происходило из года в год примерно по одной схеме, но никогда точно так же, мили пустоты растекались в любых направлениях, и пернатые оставались, хотя это означало голод, холод, а зачастую и смерть.

На дворе уже давно стояла зима, однако совсем не такая, как в прошлом году, с мягкой погодой, пасмурным небом, спорадическими ливнями, грязными дорогами, сумраком и серостью. Ничего сверхъестественного для старой доброй Англии. Но в этом году начиная с ранней осени погодные условия характеризовались крайней неустойчивостью. По ночам слышалось завывание штормового ветра, который навевал дикие, несвоевременные мысли – мысли о таких вещах, с которыми мы были не готовы столкнуться, не говоря уже о том, чтобы их постичь. Проснувшись по утрам, мы нередко обнаруживали обледеневшие дороги и затвердевшие, подобно обломкам изумруда, пучки травы. Тысячи бездомных ночевали прямо на улицах Лондона, поскольку приютов едва ли хватало даже для четверти из них.

Эта ночь выдалась самой холодной в году. Воздух, будто состоявший из осколков стекла, пронзал все, к чему прикасался. Вот потому-то Костас и торопился закончить начатое дело до того, как земля превратится в камень.

Надвигающемуся циклону присвоили имя «Гера». На сей раз его назвали не Джорджем, не Оливией, не Чарли или Матильдой, а именем мифической богини. Говорили, что циклон станет сильнейшим за несколько столетий – хуже, чем Великий шторм 1703 года, когда ураганный ветер срывал черепицу с крыш, сдирал с дам корсеты из китового уса, с джентльменов напудренные парики, а с нищих их жалкие лохмотья; сносил как деревянные каркасные дома, так и глинобитные лачуги; разбивал в щепки парусники, играя ими словно бумажными кораблями, и выносил на берег плывущие по Темзе нечистоты.

Возможно, это были просто страшилки, но я им верила. Так же как верила в легенды и ту правду, которую они пытались скрыть.

Я сказала себе, что, если все пойдет по плану, меня закопают лишь на три месяца, а может, и на меньший срок. Когда вдоль тропинок зацветут нарциссы, в лесах появится ковер из колокольчиков и природа вновь оживет, меня откопают. Разогнувшуюся и окончательно пробудившуюся. Однако при всем желании я не могла уцепиться за слабый луч надежды, поскольку зима, свирепая и безжалостная, казалось, пришла сюда навсегда. Впрочем, я никогда не была оптимисткой. Должно быть, это заложено в моей ДНК. Ведь я принадлежу к древнему роду пессимистов. Итак, я сделала то, что всегда: начала представлять себе негативные варианты развития событий. А что, если в этом году весна так и не наступит и я останусь под землей... быть может, навечно? А что, если, когда весна все-таки наступит, Костас Казандзакис забудет меня откопать?

* * *

Внезапный порыв ветра врезался в мое тело, словно зазубренный нож.

Костас, похоже, это заметил, так как перестал копать.

– Вы только посмотрите! Бедняжка, ты замерзаешь!

Он переживал за меня. Как всегда. Прежде при малейшем похолодании он делал все возможное, чтобы сохранить мне жизнь. Помню, одним холодным январским днем он со всех сторон оградил меня от ветра и укутал несколькими слоями мешковины для уменьшения потери влаги. А в другой раз накрыл мульчей. Он установил в саду инфракрасные лампы, чтобы согреть меня ночью, а что еще важнее – в час перед рассветом, самое темное и холодное время суток. Именно тогда большинство из нас засыпают вечным сном, чтобы никогда не проснуться, – бездомные на улицах и мы...

...фиговые деревья – они же смоковницы.

Я *Ficus carica*, известная как съедобный инжир обыкновенный, хотя, смею вас заверить, во мне нет ничего обыкновенного. Да, я могу с гордостью заявить, что являюсь членом семейства шелковичных *Moraceae* из биологического царства растений *Plantae*. Моя родина – Малая Азия, хотя у меня самая обширная география обитания: от Калифорнии до Португалии и Ливана, от Черноморского побережья до гор Афганистана и долин Индии.

Закапывать фиговые деревья в траншеях под землей во время суровых зим и откапывать их весной – любопытная, но прекрасно зарекомендовавшая себя традиция. Она хорошо знакома итальянцам, осевшим в Америке и Канаде в городах с минусовыми температурами. А также испанцам, португальцам, мальтийцам, грекам, ливанцам, египтянам, марокканцам, алжирцам, израильтянам, палестинцам, иранцам, курдам, туркам, иорданцам, сирийцам, сефардам... и киприотам.

В наши дни обычай этот широко распространен если не среди молодых, то наверняка среди пожилых. Тем, кто первым эмигрировал из Средиземноморья с его мягким климатом, в ветренные города и городские агломерации западных стран. Тем, кто после стольких лет по-прежнему мечтает найти способ незаконно провезти через границу свой любимый вонючий сыр, пастроми, фаршированные бараньи потроха, замороженные манты, домашнюю тахини,

сироп рожкового дерева, кардаки глико (варенье из грецких орехов), суп из говяжьих рубцов, колбасу из бараньей селезенки, глазные яблоки тунца, бараньи яйца... даже если хорошенько поискать, можно найти хотя бы некоторые из этих деликатесов в супермаркете приютившей их страны, в отделе продуктов мира. Однако все эти люди наверняка станут утверждать, что вкус у купленной здесь еды совсем другой.

Эмигранты в первом поколении – уже сами по себе особый вид. Они предпочитают носить бежевую, серую или коричневую одежду. Короче, неброские цвета. Цвета, которые шепчут, а не кричат. Их манеры слишком официальны, что объясняется желанием уважительного к себе отношения. Они движутся несколько неуклюже, поскольку не чувствуют себя непринужденно в новом окружении. Бесконечно благодарные за шанс, предоставленный им жизнью, и одновременно напуганные тем, что она у них отняла, они вечно чувствуют себя не в своей тарелке, их отделяет от других какой-то невысказанный опыт, совсем как выживших в автомобильной аварии.

Эмигранты в первом поколении постоянно разговаривают со своими деревьями, когда поблизости нет других людей. Вот так-то. Они доверяются нам, делятся своими мечтами и устремлениями, включая те, что остались в прошлом, подобно клочкам шерсти застрявшим на колючей проволоке при пересечении границы. Но в основном эти люди просто наслаждаются нашим обществом, болтая с нами, точно со старыми друзьями, которых давно не видели. Они нежно любят свои растения и заботятся о них, особенно о тех, что привезли с далекой родины. Ведь где-то глубоко внутри они чувствуют, что, защищая от непогоды фиговое дерево, они защищают свои воспоминания.

Классная комната

– Ада, сядь на место, пожалуйста! – повторила миссис Уолкотт звенящим от напряжения голосом.

Однако Ада опять не шелохнулась. И не потому, что не слышала учительницу. Ада отлично понимала, о чем та просит, и не собиралась проявлять строптивость, но в тот момент просто не могла заставить тело подчиниться разуму. Периферическим зрением она видела какую-то парящую в воздухе точку: бабочка, которую она нарисовала в блокноте, теперь порхала по классной комнате. Ада смотрела на бабочку с беспокойством, опасаясь, что кто-нибудь может ее заметить, но интуитивно понимая, что это просто невозможно.

Завершив зигзагообразный полет, бабочка опустилась учительнице на плечо и перескочила на ее серебряную сережку в форме люстры. После чего так же стремительно взмыла вверх и приземлилась на съезжившиеся под рубашкой щуплые плечи Джейсона. Перед мысленным взором Ады возникли синяки, прятавшиеся под жилеткой мальчика; большинство из них старые и побледневшие, но один, особенно большой, совсем свежий. Ярко-багровый. Этого парня, который вечно валял дурака и в школе буквально сочился уверенностью, отец драл как сидорову козу. Ада судорожно вздохнула. Боль. Столько боли везде и в каждом! Единственная разница состояла в том, что кто-то умел скрывать эту боль, а кто-то – нет.

– Ада? – чуть громче произнесла миссис Уолкотт.

– Может, она глухая? – съязвил один из учеников.

– Или дебилка!

– Мы не употребляем в школе подобных выражений. – Слова миссис Уолкотт, похоже, никого не убедили. Когда учительница снова устремила взгляд на Аду, смущение, написанное на ее широком лице, сменилось беспокойством. – Что-то не так? – (Ада, превратившаяся в соляной столп, упрямо молчала.) – Если хочешь мне что-то сказать, можешь остаться после урока. Почему бы нам не поговорить чуть позже?

Однако Ада в очередной раз не послушалась учительницу. Ее члены, проявив своеволие, отказывались подчиняться. Она вспомнила, как папа когда-то рассказывал, что при экстремально низких температурах птицы вроде буроголовой гаички впадали на короткое время в оцепенение, чтобы сберечь энергию на случай резкого ухудшения погоды. И в данный момент Ада, подобно этой птице, окаменела, будто готовясь к неминуемому.

Да садись же, идиотка несчастная, ты себя позоришь!

Голос одноклассника или беспощадного внутреннего критика? Аде не суждено было это узнать. Ее губы сжались в ниточку; она стиснула зубы и вцепилась в край парты в отчаянной попытке найти опору, чтобы не потерять равновесие и не рухнуть. С каждым вздохом в легких пенилась и бурлила паника, просачивавшаяся в нервные клетки, а когда Ада открыла рот, эта паника выплеснулась наружу, растекаясь вокруг, – подземный поток, стремившийся выйти за пределы каменного ложа. Звук, знакомый и одновременно слишком странный, чтобы быть ее собственным, вырвался откуда-то изнутри: громкий, хриплый, примитивный, неприемлемый.

Ада закричала.

Ее голос был таким непредсказуемым, таким сильным, таким невероятно пронзительным, что все одноклассники разом притихли. Миссис Уолкотт застыла, прижав руки к груди, морщины вокруг глаз обострились. За все годы педагогической деятельности она ни с чем подобным не сталкивалась.

Прошло четыре секунды, восемь, десять, двенадцать... Стрелки часов на стене прокладывали свой путь вперед мучительно медленно. Время деформировалось и свернулось, подобно сухой обуглившейся деревяшке.

Теперь миссис Уолкотт оказалась возле Ады, пытаясь что-то сказать. Ада чувствовала пальцы учительницы на своем плече и понимала, что та ей что-то говорит, но не могла разобрать слов, так как продолжала кричать. Прошло пятнадцать секунд. Восемнадцать, двадцать, двадцать три...

Голос Ады стал ковром-самолетом, который поднял ее высоко-высоко и отнес к потолку. Она точно плыла по воздуху и смотрела на класс с высоты. У нее возникло стойкое ощущение, будто она не парит, а находится где-то снаружи. Будто, покинув свою телесную оболочку, она больше не является частью ни этого момента, ни этого мира.

Ада вспомнила проповедь, которую однажды слышала то ли в церкви, то ли в мечети, поскольку на разных этапах своего детства она посещала оба заведения, хотя и недолго. *Когда душа покидает тело, она возносится к Небесам и на пути туда останавливается, чтобы посмотреть на все, что лежит внизу, – безучастная, невозмутимая, нетронутая болью.* Кто это сказал? Епископ Василиос или имам Махмуд? Иконы в серебряных окладах, свечи из пчелиного воска, лики святых и апостолов, архангел Гавриил с одним раскрытым крылом, а другим – сложенным за спиной, православная Библия с загнутыми страницами и замусоленным корешком... Шелковые молитвенные коврики, янтарные четки, сборник хадисов, потрепанный томик Исламского сонника, толкующего каждый сон и каждый ночной кошмар... Оба священнослужителя пытались уговорить Аду выбрать их религию, встать на их сторону. И ей стало казаться, что в результате она выбрала пустоту. Ничто. Невесомую раковину, которая по-прежнему укрывала ее, Аду, отделяя от остальных. И все же, продолжая кричать в последний час последнего учебного дня, она вышла за пределы своего чувственного опыта, словно ее не ограничивало – и никогда не ограничивало – собственное тело.

Прошло тридцать секунд. Целая вечность.

Голос Ады слегка надломился, однако по-прежнему звенел в воздухе. Было нечто унижающее и одновременно завораживающее в том, чтобы слышать собственный крик – надрывный, бесконтрольный, несдержанный, безбашенный, – неукротимый порыв, рвущийся прямо из темных глубин. А еще в этом крике было нечто животное. Нечто дикое. Абсолютно ничего похожего на прежнюю Аду. И в довершение всего ее голос. Это мог быть резкий клекот ястреба, или заунывный вой волка, или скрипучее полуночное тьяканье лисицы. Да, это мог быть любой звук, но только не крик шестнадцатилетней школьницы.

Одноклассники, вытаращив от удивления глаза, уставились на Аду, замороженные столь откровенной демонстрацией безумия. Кое-кто даже склонил голову набок, пытаясь осознать, как тихая, робкая девочка могла издавать этот тревожащий душу крик. Ада чувствовала их страх, и, как ни странно, ее радовало, что она впервые не попала в число тех, кто напуган. Одноклассники слились воедино в затуманенном поле зрения: озадаченные лица, идентичные жесты, бумажная цепочка одинаковых тел. И только Ада не была частью этой цепи. Она вообще не была частью чего бы то ни было. В своем совершенном одиночестве она стала удивительно цельной. Никогда еще она не чувствовала себя настолько незащищенной и при этом настолько могущественной.

Прошло сорок секунд.

Ада Казандзакис по-прежнему продолжала кричать, и ее ярость, если это действительно была ярость, вырывалась наружу – топливо быстрого сгорания – без явных признаков ослабления. Кожа Ады пошла алыми пятнами, горло болело и пульсировало, жилы на шее трепетали от прилива крови, выставленные вперед руки хватались за пустоту. Перед ее мысленным взором вдруг возник образ матери, впервые после кончины последней, но воспоминания почему-то не утонули в слезах.

Прозвенел звонок.

В коридоре за дверью классной комнаты слышались торопливые шаги. Их становилось все больше. Оживленный обмен фразами. Волнение. Смех. Суматоха. Начало рождественских каникул.

А в классной комнате приступ безумия Ады стал захватывающим спектаклем, во время которого зрители сидели не шелохнувшись.

Прошло пятьдесят две секунды – почти, но еще не минута, – и голос Ады начал садиться; горло, ободранное и полое внутри, напоминало засохший тростник. У нее поникли плечи, задрожали колени, лицо задергалось, словно она очнулась от дурного сна. Она успокоилась. И так же неожиданно, как начала, замолчала.

– Что, черт возьми, это было?! – громко пробормотал Джейсон, но его вопрос остался без ответа.

Ни на кого не глядя, Ада, вконец обессилив и задохнувшись, рухнула на свое место – марионетка с лопнувшими в разгар представления веревочками. Именно так Эмма Роуз чуть позже опишет произошедшее, естественно с преувеличениями. Впрочем, сейчас даже Эмма Роуз притихла.

– Ты в порядке? – Миссис Уолкотт не могла скрыть своего потрясения, и на сей раз Ада ее услышала.

И когда высоко в небе сформировались гряды облаков, а на стены классной комнаты упала тень, будто от крыльев гигантской птицы, Ада Казандзакис закрыла глаза. Звук вибрировал у нее в голове, упрямо отбивая такт – хрясь-хрясь-хрясь, – однако все, о чем она могла думать в данный момент, было то, что где-то там за стенами класса, вне пределов ее досягаемости, прямо сейчас ломаются чьи-то кости.

Фиговое дерево

– Пока ты лежишь здесь, я буду каждый день приходить и с тобой разговаривать. – Вонзив лопату в землю, Костас нажал на черенок, вынул ком земли и бросил его на постепенно растущий холмик у ног. – Чтобы тебе не было одиноко.

Жаль, что я не могу сказать ему, что такое понятие, как одиночество, придумали люди. Деревья не способны чувствовать себя одинокими. Людям кажется, будто они твердо знают, когда их земное существование кончается, а чье-то другое начинается. Деревья же, с их перепутанными под землей корнями, сообщающимися с грибами и бактериями, не питают подобных иллюзий. Для нас все в этом мире взаимосвязано.

Но даже если и так, было приятно узнать, что Костас собирается меня навещать. В знак благодарности я склонила к нему свои ветви. Он стоял так близко, что я уловила запах его парфюма с нотками сандалового дерева, бергамота и амбры. Я сохранила в памяти каждую черту его красивого лица: высокий гладкий лоб, крупный тонкий нос с острым кончиком, ясные глаза под сенью загнутых вверх ресниц, жесткие волнистые волосы, по-прежнему густые, по-прежнему темные, хотя и тронутые серебром, особенно на висках.

В этом году ко мне неожиданно подкралась любовь. Любовь, похожая на нынешнюю аномальную зиму. Подкралась тихо и незаметно, и когда я все поняла, то поезд уже ушел. Я глупо, нелепо увлеклась мужчиной, который никогда не посмотрит на меня как на сексуальный объект. Мне было неловко от внезапно нахлынувшего желания, щемящей тоски по тому, чему не суждено сбыться. Я напомнила себе, что жизнь – это не торговое соглашение, не просчитанная система уступок и любовь может быть горькой, однако, положив руку на сердце, я не переставала гадать: а что, если в один прекрасный день Костас Казандзакис ответил бы мне взаимностью, и способен ли человек влюбиться в дерево?

Я знаю, о чем вы сейчас думаете. Как может обыкновенный *Ficus carica* влюбиться в *Homo sapiens*? Да, я отнюдь не красавица. У меня довольно заурядная внешность. Я ведь не сакура – прекрасное японское вишневое дерево, усыпанное прелестными розовыми цветками, такими притягательными, чарующими и самодовольными. И не сахарный клен, пылающий потрясающими оттенками рубиново-красного, желто-оранжевого и золотого, счастливый обладатель листьев идеальной формы, устоять перед которыми просто невозможно. И определенно не глициния, эта утонченная пурпурная соблазнительница. Я также не вечнозеленая гардения, с ее одуряющим ароматом и блестящей зеленой листвой, и не бугенвиллея, с роскошными пурпурными плетями, ползущими вверх и свисающими с глинобитных стен под палящим солнцем. И не давидия, которая, утомив вас ожиданием, наконец выдает обворожительные романтические прицветники, трепещущие на ветру, словно надушенные носовые платки.

Признаюсь, у меня нет их очарования. Если вы пройдете мимо меня по улице, то даже не посмотрите в мою сторону. Но мне хочется верить, что я не лишена привлекательности в собственном обезоруживающем стиле. Нехватку красоты и популярности я компенсирую таинственностью и внутренней силой.

Многие столетия под моей сенью собирались птицы, летучие мыши, пчелы, бабочки, муравьи, обезьяны, динозавры... а также одна смущенная пара, бесцельно бродившая с выпученными глазами по эдемскому саду. Тут нет никакой ошибки. Да-да, это было не яблоко. Самое время развеять столь вопиющее заблуждение. Адам и Ева не устояли перед искушением съесть смокву, плод соблазна, желания и страсти, а не какое-то там хрустящее яблоко. Не хочу умалять достоинства собрата-растения, но разве можно сравнить банальное яблоко с ароматным плодом смоковницы, который даже сейчас, спустя целую вечность после первородного греха, своим вкусом напоминает нам о потерянном рае.

При всем моем уважении к верующим бессмысленно полагать, что первый мужчина и первая женщина согрешили, съев старое доброе яблоко, а потом, осознав свою наготу и убоявшись гнева Господня, гуляли по волшебному саду – дрожащие, сгорающие со стыда, – где и наткнулись на смоковницу, листьями которой решили прикрыться. Весьма занимательная история, но кое-что явно не сходится, ибо в ней не хватает меня! Ведь там фигурировала именно я: дерево добра и зла, света и тьмы, жизни и смерти, любви и разочарования.

Адам и Ева разделили между собой нежный, спелый, соблазнительный, ароматный плод смоковницы, раскрыв его ровно посередине, и когда мясистая, насыщенная сладость растаяла у них на языках, они увидели окружающий их мир совершенно в новом свете, поскольку именно это происходит с теми, кто приобретает знание и мудрость. Затем Адам и Ева прикрылись листьями дерева, под которым случайно оказались. Что касается яблока, то, прошу меня извинить, его там и близко не было.

Взгляните на любую религию, и вы найдете там меня. Я присутствую в любом рассказе о Сотворении мира, являясь свидетелем поведенческих особенностей людей, ведущих бесконечные войны, людей, так часто комбинирующих мою ДНК, что теперь меня можно найти практически на любом континенте. Что касается любовников и поклонников, то мне грех жаловаться. Некоторые из них даже помешались на мне, причем настолько, что, забыв обо всем, оставались со мной до конца своих коротких дней, как, например, мои маленькие фиговые осы.

Но даже в этом случае ничего из сказанного выше не дает мне права любить человеческое существо и тем более надеяться на взаимность. Согласна, не слишком разумно влюбляться в представителя другого вида; в того, кто наверняка усложнит тебе жизнь, нарушив ее рутину, лишит тебя ощущения стабильности и укорененности. Но опять же, тот, кто считает, что любовь может быть разумной, никогда не любил.

* * *

– Фикус, под землей тебе будет тепло. Все обойдется. – После стольких лет жизни в Лондоне Костас все еще говорил по-английски с ярко выраженным греческим акцентом.

Костас был обнадеживающе фамильярен со мной. Я узнавала его раскатистое «р», свистящее «з», смазанное «ш», искаженные гласные, усиление модуляции при волнении и ослабление в состоянии задумчивости или неуверенности. Узнавала любые изменения его голоса, журчавшего, перекатывавшегося и омывавшего меня, подобно чистой воде.

– В любом случае это ненадолго. Всего на несколько недель, – успокоил меня Костас.

Я привыкла, что он со мной разговаривает. Но сегодня он беседовал со мной особенно долго. И у меня возник вопрос: а что, если эта снежная буря вызвала у него скрытое чувство вины? Как-никак именно он привез меня в эту пасмурную страну из Кипра на дне черного кожаного чемодана. Откровенно говоря, меня доставили сюда контрабандой.

В аэропорту Хитроу, когда Костас проносил свой чемодан под пристальным взором дорожного таможенника, я напрягалась от страха, что Костаса могут в любую секунду остановить и досмотреть. Между тем его жена шла впереди, как обычно, порывистым, решительным, нетерпеливым и размашистым шагом. Дефне уже носила под сердцем Аду, но они с мужем тогда еще об этом не знали. Они думали, что привезли в Англию только меня, не ведая о том, что привезли туда свое еще не родившееся дитя.

Когда распахнулись двери терминала «Прибытие», Костас, не в силах справиться с волнением, воскликнул:

– Мы здесь! Мы сделали это! Добро пожаловать в наш новый дом!

Интересно, он сказал это мне или своей жене? Хотелось бы думать, что ей. Так или иначе, все это произошло более шестнадцати лет назад. С тех пор я ни разу не была на Кипре.

И тем не менее остров этот по-прежнему всегда со мной. Ведь места, где мы родились, формируют нашу жизнь, даже если мы оказываемся далеко. Так было и так будет. Время от времени во сне я снова попадаю в Никосию, где, отбрасывая тень на скалы, стою под привычным солнцем и пытаюсь дотянуться до кустов, колючие метелки которых взрываются брызгами цветов, таких же идеальных и ярких, как золотые монеты в детских сказках.

Я помню все о жизни, оставшейся позади. Береговую линию, похожую на рельеф протянутой хироманту ладони, хор цикад на жаре, жужжание пчел над лавандовыми полями, трепет крыльев бабочек в первых лучах солнца... Многие пытаются, но никто лучше бабочек не умеет внушать оптимизм.

Люди полагают, что разница между оптимистами и пессимистами обусловлена личными качествами. Хотя, по моему мнению, все объясняется способностью забывать. Чем лучше память, тем меньше шансов стать оптимистом. Нет, я вовсе не утверждаю, что у бабочек нет воспоминаний. Конечно есть. Мотылек помнит все, что узнал, будучи гусеницей. Но я и мне подобные обладают способностью помнить вечно – и я не имею в виду годы или десятилетия. Я имею в виду века.

Такая долговременная память – форменное проклятие. Когда пожилые киприотки хотят кого-то покарать, они никогда не желают этому человеку откровенного зла. Не накликают молнию, беду или неожиданную потерю состояния. Они просто говорят:

Чтоб ты утратил способность забывать.

Чтоб ты и на краю могилы продолжал помнить.

Итак, подозреваю, меланхолия, которую я не способна с себя стряхнуть, заложена в моих генах. Врезана невидимым ножом в мою кору.

* * *

– Ну ладно, этого, наверное, достаточно. – Костас осмотрел траншею, явно довольный ее длиной и глубиной. Он выпрямил затекшую спину и вытер грязные руки, достав из кармана носовой платок. – Теперь я должен тебя немножко обрезать. Так тебе будет легче.

С помощью секаторов он опытной рукой ловко подстриг мои упрямо торчащие во все стороны ветви. Затем, соединив оставшиеся, обвязал меня нейлоновой веревкой. Осторожно затянул веревку двойным узлом – довольно свободным, чтобы не повредить кору, но достаточно аккуратным, чтобы я поместилась в траншею.

– Я почти закончил, – сказал он. – Нужно поторапливаться. Снежная буря вот-вот начнется!

Но я знала его достаточно хорошо, чтобы понимать, что надвигающаяся буря была отнюдь не единственной причиной спешки. Он стремился закончить эту работу до возвращения дочери из школы. Не хотел, чтобы юная Ада стала свидетельницей еще одних похорон.

В тот день, когда жена Костаса впала в кому, из которой так и не вышла, печаль поселилась в его доме, подобно стервятнику, не желающему улетать, пока не сожрет все следы радости и веселья. Сразу после смерти Дефне Костас несколько месяцев подряд, а потом время от времени приходил в сад и, завернувшись в тонкое одеяло, сидел возле меня; глаза у него были опухшими и красными, движения вялыми, будто его против воли подняли со дна озера. Костас никогда не плакал дома, чтобы дочь не видела отцовских слез.

В такие вечера меня переполняла такая безграничная нежность и любовь, что становилось нестерпимо больно. Именно в подобные моменты лежавшая между нами пропасть причиняла мне особенно сильные страдания. Как же я убивалась из-за того, что не могу превратить ветви в руки, чтобы обнять Костаса, сучки – в пальцы, чтобы приласкать его, листья – в языки, чтобы прошептать слова утешения, а ствол – в сердце, чтобы вобрать в себя любимый образ.

* * *

– Хорошо. Все готово. – Костас огляделся по сторонам. – Теперь я собираюсь опустить тебя туда. – Лицо его стало нежным, глаза мягко мерцали: в них отражалось неспешно садившееся на западе солнце. – Часть твоих корней сломается, но не волнуйся. Оставшихся вполне хватит для поддержания жизнедеятельности.

Пытаясь сохранять спокойствие, стараясь не паниковать, я послала вниз срочное предупреждение находящимся под землей конечностям, что буквально через несколько секунд многие из них погибнут. Они столь же оперативно откликнулись сотней мгновенных сигналов, сообщавших о том, что в курсе грядущего. Они были готовы.

Судорожно вздохнув, Костас нагнулся и толкнул меня к яме. Сперва я не двинулась с места. Тогда Костас положил ладони на ствол и удвоил усилия, нажимая осторожно и продуманно, но настойчиво.

– С тобой все будет прекрасно. Доверься мне, моя дорогая.

Его мягкий голос обволакивал меня, удерживая на месте; даже одно-единственное нежное слово из уст Костаса обладало мощной гравитацией, неумолимо притягивавшей меня к нему.

Постепенно все мои страхи и сомнения растаяли, точно клочья тумана. В этот момент я поняла, что Костас откапает меня, как только из-под земли проклюнутся подснежники, а иволга проложит себе путь домой по голубым небесам. Я это знала наверняка, как и то, что снова увижу Костаса Казандзакиса, в прекрасных глазах которого будет по-прежнему сквозить пронзительная печаль, поселившаяся в его душе после смерти жены. Как бы мне хотелось, чтобы он любил меня так же, как любил ее!

Костаки, прощай до весны, а тогда...

На его лице вдруг появилось выражение удивления, и на секунду мне показалось, будто он услышал меня. Услышал и все понял. Впрочем, выражение это промелькнуло и сразу исчезло.

Ухватившись еще крепче, Костас сделал последнее усилие и толкнул меня вниз. Мир накренился, небо завертелось, мутная трясина поглотила и комья земли, и низкие свинцовые облака.

Морально подготовившись к падению, я чувствовала, как напрягаются и лопаются корни. Один за другим. Из-под земли донеслось странное, глухое хрясь-хрясь-хрясь. Будь я человеком, это было бы звуком ломающихся костей.

Вечер

У окна спальни, прижавшись лбом к стеклу, Ада смотрела, как отец в зловещем свете двух фонарей, спиной к ней, в саду убирает граблями опавшие листья с сырой земли. После того как они вдвоем вернулись домой, отец ушел в сад и остался работать на холоде, сказав, что, когда ему позвонили из школы, он оставил фиговое дерево лежать без присмотра. Что бы это ни значило. Еще одно проявление слабости отца, подумала Ада. Он сказал, что ему срочно нужно накрыть дерево, и обещал вернуться через пару минут, но минуты растянулись на час, а отец по-прежнему оставался в саду.

Ада мысленно вернулась к событиям сегодняшнего дня. Стыд змеей свернулся у нее в животе. Кусая снова и снова. Ей до сих пор не верилось, что она могла такое выкинуть. Орать как оглашенная на глазах у всего класса! Что на нее нашло? И лицо миссис Уолкотт – пепельного цвета, испуганное. Должно быть, это выражение лица заразное, поскольку Ада видела его на лицах всех остальных учителей, узнавших о происшествии. У Ады скрутило внутренности при воспоминании, как ее вызвали в кабинет директора. К этому времени остальные ученики уже ушли из школы, и звуки гулко разносились по зданию, словно в пустой раковине.

К Аде отнеслись доброжелательно, но с неприкрытой озабоченностью. Учителя волновались за девочку, хотя ее поведение явно ставило их в тупик. До сегодняшнего дня Аду считали обычным интровертом, не то чтобы слишком застенчивой или тихой, а просто не любящей вылезать вперед. Предпочитавшей жить своим умом задумчивой девочкой, которая после смерти матери замкнулась и ушла в себя. Однако теперь учителя даже не знали, что и думать.

Они сразу позвонили ее отцу, и он моментально примчался, даже не переодевшись после садовых работ: его ботинки были заляпаны грязью, в волосах застрял сухой лист. Директор школы беседовал с Костасом с глазу на глаз, а Ада сидела в коридоре, нервно качая ногой.

На обратном пути отец засыпал Аду вопросами, пытаясь понять, как она могла выкинуть такой номер, однако от подобной настойчивости Ада еще больше замкнулась. Когда они приехали домой, она сразу же ушла в свою спальню, а отец – в сад.

Глаза Ады наполнились слезами, ведь теперь ей наверняка придется сменить учебное заведение. Другого выхода она пока просто не видела. Интересно, оформит ли директор школы ее задержание или типа того? Впрочем, для Ады это было бы наименьшим злом. Любое выбранное им наказание не пойдет ни в какое сравнение со страхом оказаться под прицелом глаз одноклассников после начала нового семестра. Теперь ни один мальчик не захочет с ней встречаться. И ни одна девочка не пригласит ее на день рождения или в поход по магазинам. Теперь к ней намертво приклеятся ярлыки «чокнутая» и «психопатка», буквально вытатуированные на коже, и, когда она появится в классе, унижительные слова станут первым, что увидят одноклассники. При одной этой мысли Аде стало дурно, на душе лежал груз, тяжелый, как мокрый песок.

Накрутив себя до неистовства, Ада поняла, что больше не может находиться одна. Она вышла из комнаты в холл, стены которого украшали рисунки в рамках и семейные фотографии каникул, дней рождений, пикников, юбилеев свадьбы... Моментальные снимки блаженных моментов, ярких и ослепительных, но давно ушедших, словно мертвые звезды, что дарят остатки света.

Пройдя через гостиную, Ада открыла раздвижную дверь в сад позади дома. В комнату тут же ворвался ветер. Он теребил страницы книг и разносил по полу листы бумаги. Ада подобрала упавшие страницы и, бросив взгляд на первую в стопке, узнала аккуратный почерк отца: *Как закопать фиговое дерево за десять шагов*. На странице были представлены подробные инструкции и примитивные рисунки. В отличие от жены, Костас никогда хорошо не рисовал.

Не успела Ада оказаться в саду, как ее тут же бросило в дрожь от колючего холода. Озабоченная своими проблемами, она напрочь забыла о циклоне «Гера», но сейчас остро осознала его реальность. В воздухе стоял кисловатый затхлый запах – запах гниющих листьев, мокрых камней и глеющего сырого дерева.

Ада целеустремленно направилась по каменистой тропинке, гравий хрустел под подошвами кремово-белых шлепанцев, отороченных пушистым мехом. Конечно, нужно было надеть сапоги, но все, поздно. Она не сводила глаз с отца, находящегося в нескольких футах от нее. Сколько раз по ночам Ада наблюдала за Костасом, который стоял на том же самом месте, под фиговым деревом, тьма собиралась вокруг него, как воронье – вокруг падали. Сгорбленный силуэт убитого горем человека на фоне чернильного неба. Однако Ада ни разу не решилась выйти ночью в сад, зная, что отец не захочет, чтобы дочь видела его в таком состоянии.

– Папа? – В ушах Ады глухо стучал собственный дрожащий голос.

Он не услышал. И только оказавшись ближе, Ада заметила, что сад выглядит по-другому, но не сразу поняла, что изменилось. Она огляделась и, неожиданно осознав, в чем дело, судорожно вздохнула: фиговое дерево исчезло.

– Папа!

Костас резко повернулся. Когда он увидел дочь, его лицо просветлело.

– Солнышко, ты не должна выходить на улицу без куртки. – Он перевел взгляд на ноги дочери. – И без сапог?! Ада, милая, ты простудишься.

– Я в порядке. А куда делось фиговое дерево?

– Ой, она здесь, под землей. – Костас показал на листы фанеры, аккуратно уложенные на землю возле его ног.

Ада подошла поближе, глядя круглыми глазами на частично прикрытую фанерой траншею. Когда сегодня утром за завтраком отец упомянул, что собирается закопать фиговое дерево, она не обратила особого внимания, толком не поняв, о чем речь.

– Ух ты! Ты действительно это сделал, – пробормотала Ада.

– Мне пришлось. Я волновался, что у нее может начаться отмирание.

– А что это значит?

– Это когда деревья умирают в экстремальных климатических условиях. Иногда деревья губит мороз или повторяющееся замерзание и оттаивание. И тогда они умирают. – Костас бросил на фанеру пригоршню мульчи, разровняв ее голыми руками.

– Папа?

– Хм?..

– Почему ты всегда говоришь об этом дереве так, будто оно женщина?

– Ну потому что она... оно действительно женского пола.

– Откуда ты знаешь?

Костас выпрямился и, подумав секунду, ответил:

– Некоторые виды растений являются двудомными. Это означает, что каждое дерево является исключительно мужского или женского пола. Ива, тополь, тис, шелковица, осина, можжевельник, падуб... все эти виды именно такие. Но многие другие являются однодомными: на одном растении имеются и мужские (тычиночные), и женские (пестичные) цветки. Это дуб, кипарис, сосна, береза, лещина, кедр, каштан...

– А фиговые деревья женского пола?

– С фиговыми деревьями все сложнее, – ответил Костас. – Примерно половина из них – это однодомные, а другая половина – двудомные. Существуют культивируемые разновидности фиговых деревьев, а еще в Средиземноморье встречается каприфига, дающая несъедобные плоды, которые обычно скармливают козам. Наша *Ficus carica* – женского пола, она относится к партенокарпической разновидности, то есть может давать плоды при отсутствии рядом мужского дерева.

Костас остановился, поскольку сказал больше, чем собирался, и теперь переживал, что снова потерял общий язык с дочерью, и, похоже, в последние дни это постоянно происходило. Поднявшийся ветер шуршал в ветвях кустарника.

– Дорогая, я не хочу, чтобы ты простудилась. Возвращайся в дом. Я присоединюсь к тебе через несколько минут.

– То же самое ты говорил час назад, – передернула плечами Ада. – Я в порядке. Можно я тебе помогу?

– Конечно, если хочешь.

Костас старался не выдавать своего удивления предложением дочери помочь. Ему казалось, что после смерти Дефне они с Адой повисли на маятнике эмоций. Стоило ему спросить дочь о друзьях или школьных занятиях, как та моментально замыкалась, раскрываясь лишь тогда, когда отец с головой уходил в работу. Следовательно, чтобы заставить дочь сделать шаг навстречу, нужно было отступить в сторону. Когда Ада была маленькой, Костас каждый день вел ее за руку на спортивную площадку. Чудесное место с полосой препятствий и кучей деревянных спортивных снарядов. Но Ада не обращала на них никакого внимания, ее интересовали лишь качели. Костас толкал качели, глядя, как дочь улетает высоко в воздух, смеясь и болтая ногами. Она обычно кричала: «Папочка, выше! Еще выше!» Преодолевая внутренний страх, что перевернутся качели или лопнут железные цепи, Костас толкал дочь еще сильнее, а когда качели возвращались, отходил в сторону, чтобы освободить место. С тех пор все так и шло: шаг вперед – шаг в сторону. Отец освобождал место для дочери, чтобы дать ей свободу. В первые страшные дни они постоянно разговаривали, ведь им так много нужно было сказать друг другу; неловкое, болезненное молчание поселилось в осиротевшем доме уже после.

– Итак, что нужно делать? – не получив указаний, спросила Ада.

– Ладно. Мы должны засыпать траншею землей и листьями. А еще соломой, которую я приготовил.

– Это я могу, – согласилась Ада.

И вот так, бок о бок, они начали работать: Костас – сосредоточенно и добросовестно, Ада – рассеянно и медлительно.

Где-то вдалеке сирена «скорой помощи» разорвала тишину ночи. На улице залаяла собака. Затем вновь стало тихо, если не считать периодического скрежета петель разболтанной калитки перед домом.

– А это больно?

– Ты о чем?

– Когда ты закапываешь дерево, ему больно?

Костас вздернул подбородок, на щеках заиграли желваки.

– Есть два способа ответить на твой вопрос. Ученые единодушны в том, что деревья не обладают сознанием в общепринятом понимании этого слова...

– Но ты вроде бы с ними не согласен?

– Ну я думаю, мы еще очень многого не знаем. Мы только начинаем открывать язык деревьев. Но можем с уверенностью утверждать, что они способны слышать, пахнуть, общаться. И они определенно способны помнить. Способны чувствовать воду, свет, опасность. Посылать сигналы другим растениям и помогать друг другу. Они понимают гораздо больше, чем нам кажется.

«Особенно наша *Ficus carica*. Если бы только знала, насколько она особенная», – хотел добавить Костас, но осекся.

Ада взглядела в лицо отца в мерцающем свете садовых фонарей. За последние месяцы он заметно сдал. Под глазами залегли тени, бледные полумесяцы. Боль оставила свой отпечаток на его лице, добавив острых углов и впадин. Отвернувшись, Ада спросила:

– Почему ты всегда разговариваешь с фиговым деревом?

– Разве?

– Да, постоянно. Я и раньше слышала. Зачем ты это делаешь?

– Ну она хороший слушатель.

– Ой, да ладно тебе, папа! Я серьезно. Неужели ты не понимаешь, что все это ненормально? А вдруг тебя кто-нибудь услышит? Они наверняка решат, что ты с приветом.

Костас улыбнулся. И подумал, что именно в этом и состоит разница между младшим и старшим поколением. Чем старше ты становишься, тем меньше тебя волнует мнение окружающих, и именно так ты обретаешь свободу.

– Не волнуйся, милая Ада. Я не разговариваю с деревьями, если рядом кто-то есть.

– Да, но все-таки... рано или поздно тебя могут застукать. – Ада разбросала по траншее пригоршню сухих листьев. – Прости, но что мы вообще здесь делаем? Соседи подумают, что мы закапываем труп. И вызовут полицию! – (Костас потупился, его улыбка стала менее уверенной.) – Честно, папа, не хочется задевать твои чувства, но от твоего фигового дерева у меня мурашки по коже. В нем есть нечто ненормальное. Иногда мне кажется, будто оно... она... нас слушает. Шпионит за нами. Форменный бред, конечно, хотя это именно то, что я чувствую. Разве такое возможно? Разве деревья способны слышать, о чем мы говорим?

В глазах Костаса на секунду промелькнуло смущение, после чего он сказал:

– Нет, дорогая. Тебе не стоит беспокоиться о подобных вещах. Деревья – замечательные создания, однако я не стал бы заходить так далеко.

– Ну тогда ладно. – Отступив в сторону, Ада принялась молча наблюдать за работой отца. – А как долго ты собираешься держать ее под землей?

– Несколько месяцев. Откопаю, как только станет теплее.

– Несколько месяцев – это очень долго! – присвистнула Ада. – Ты уверен, что она выживет?

– С ней все будет в порядке, – кивнул Костас. – Она через многое прошла, наша *Ficus carica*. Ада, твоя мама называла ее настоящим бойцом. – Костас осекся, словно опасаясь, что сболтнул лишнего. Затем быстро накрыл траншею брезентом, придавив его по углам камнями, чтобы не унесло ветром, и отряхнул руки. – Думаю, мы закончили. Спасибо за помощь, милая. Я тебе очень благодарен.

Они вместе повернули к дому, ветер путал им волосы. И хотя фиговое дерево, лежавшее вместе с остатками корней в траншее, уж никак не могло выбраться оттуда и пойти за ними, Ада, прежде чем закрыть за собой дверь, оглянулась, бросив взгляд на темный холодный сад, и у нее по спине пробежал холодок.

Фиговое дерево

«От твоего фигового дерева у меня мурашки по коже», – говорит она. А почему она так говорит? Неужели подозревает, что я нечто большее, чем кажется на первый взгляд? И хотя все именно так, это отнюдь не означает, будто от меня может бросать в дрожь.

Ох уж эти люди! Наблюдая за ними в течение долгого времени, я пришла к неутешительному выводу, что они вовсе не хотят знать ничего нового о растениях. Не хотят выяснить, свойственны ли нам желания, альтруизм и чувство родства. И если на некоем абстрактном уровне эти вопросы кое-кого и интересуют, они останутся без ответа. Полагаю, людям проще считать, что, поскольку у растений нет мозга в традиционном понимании этого слова, деревья способны вести лишь самое примитивное существование.

Что ж... одни виды вовсе не обязаны любить другие виды – тут не поспоришь. Но раз уж люди заявляют о своем превосходстве над всеми формами жизни, им необходимо достичь понимания древних организмов, которые обитали на Земле задолго до их появления и останутся там после их смерти.

По-моему, люди намеренно избегают возможности узнать о нас больше, поскольку на подсознательном уровне понимают, что полученная информация может нарушить их спокойствие. Хотелось бы им, к примеру, узнать, что деревья способны намеренно менять линию поведения? А в таком случае интеллект, вероятно, не всегда зависит от наличия мозга. И будет ли людям приятно узнать, что, посылая сигналы через подземную грибную сеть, деревья способны предупреждать соседей о грозящих им опасностях – о приближении хищника или о патогенных микроорганизмах, – которых в последнее время становится больше вследствие обезлесения, деградации лесов и засух, причем все это под влиянием антропогенной деятельности? Что древесная лиана бокила трехлистная (*Boquila trifoliata*) мимикрирует, в результате чего ее листья становятся такого же цвета и формы, как и листья растения-хозяина, наводя ученых на мысль о наличии у лиан некой способности видеть? Что древесные кольца говорят не только о возрасте дерева, но и о полученных им травмах, включая лесные пожары, и, таким образом, в каждом древесном кольце, подобно незаживающему шраму, вырезаны околосмертные переживания? Что запах свежескошенной лужайки, который ассоциируется у людей с чистотой, порядком, обновлением и красотой, на самом деле является очередным сигналом бедствия, посылаемым травой с целью предупредить другие растения и попросить о помощи? Что растения способны узнавать своих родных и близких, чувствовать, как вы к ним прикасаетесь, а некоторые, вроде венериной мухоловки, даже умеют считать? Что деревья в лесу могут предсказать, когда олень соберется обглодать их кору, и защищаются, смачивая листья чем-то вроде салициловой кислоты, способствующей выработке танина, который отталкивает животных? Что до недавнего времени в Сахаре на пересечении древних караванных путей росла акация – ее называли самым одиноким деревом в мире, – которая, укоренившись вширь и в глубину, выживала, несмотря на экстремальную жару и нехватку воды, пока ее не снес пьяный водитель? Или что многие растения перед лицом угрозы – нападения либо вырубки – вырабатывают этилен, служащий своего рода анестетиком, и эта химическая реакция описывается исследователями как отклик на крики растений в состоянии стресса?

Самые сильные страдания деревьям причиняют люди.

В городах деревья растут быстрее, чем в сельской местности. И раньше умирают.

Действительно ли люди жаждут узнать подобные вещи? Я так не думаю. Если честно, я не уверена, что они нас вообще видят.

Люди каждый день проходят мимо нас; сидят, спят, курят и устраивают пикники в нашей тени; обрывают листья и пожирают наши фрукты; ломают ветви, которые используют как лошадок в раннем детстве, а став старше и беспощаднее, – для устрашения других; вырезают

на наших стволах имена своих ненаглядных и клятвы в вечной любви; плетут ожерелья из наших иголок и запечатлевают наши цветки в произведениях искусства; раскалывают нас на дрова для обогрева жилищ, а иногда срубают нас исключительно потому, что мы заслоняем им вид; делают из нас колыбельки, пробки для винных бутылок, жевательную резинку, мебель в деревенском стиле; извлекают из нас завораживающую музыку; превращают в книги, которыми зачитываются холодными зимними вечерами; используют нашу древесину для изготовления гробов, в которых, зарытые на глубину шесть футов под пологом нашей листвы, находят вечный покой; даже посвящают нам романтические поэмы, где называют связующим звеном между землей и небом, и тем не менее в упор нас не видят.

Полагаю, людям так трудно понять нас, растения, именно потому, что, для того чтобы они могли общаться с кем-либо, кроме себя любимых, и проявлять хоть какую-то заботу, им необходимо видеть лицо, образ, максимально приближенный к их собственному. Чем заметнее глаза животного, тем больше симпатизирует ему человек.

Кошки, собаки, лошади, совы, кролики, карликовые игрунки, даже беззубые страусы, глотающие камешки, словно ягоды, – все они получают справедливую долю любви. Но конечно, только не змеи, крысы, гиены, пауки, скорпионы, морские ежи... Существа с глазами поменьше или вообще без глаз не имеют ни единого шанса. Впрочем, так же, как и деревья.

Возможно, у деревьев нет глаз, однако у них есть зрение. Я реагирую на свет. Улавливаю ультрафиолетовые, инфракрасные и электромагнитные волны. Если бы меня не закопали, я могла бы сказать, какого цвета куртка была на Аде: синяя или красная.

Я обожаю свет. Он необходим мне не только для переработки воды и двуокиси углерода в органические вещества, но и для развития и закладывания почек. Свет нужен мне для ощущения безопасности. Растение всегда тянется к свету. Выведав нашу тайну, люди используют свои знания, чтобы манипулировать нами в собственных целях. Цветоводы включают яркие лампы посреди ночи, тем самым обманывая хризантемы и заставляя их цвести в неурочное время. Немного света – и нас можно уговорить на что угодно. Обещание любви...

* * *

Я слышала, как Ада сказала: «Несколько месяцев – этот очень долго!» Она не знает, что мы измеряем время совсем по-другому.

Человеческое время линейно, четкий континуум из прошлого, который должен закончиться в будущем в предположении, что оно остается неизменным, незапятнанным. Каждый день должен быть совершенно новым днем, наполненным новыми событиями, каждая любовь коренным образом отличается от предыдущей. Представители человеческого рода обладают ненасытным аппетитом ко всему новому, но сомневаюсь, что это идет им на пользу.

Древесное время цикличное, периодически повторяющееся, многолетнее; прошлое и будущее дышат одновременно, и настоящее совершенно необязательно течет в одном направлении; наоборот, оно чертит круги внутри кругов, похожих на древесные кольца – те, что вы видите, срубив дерево.

Древесное время эквивалентно времени рассказанной истории, и, как все истории, оно не развивается по идеальной прямой, безупречной кривой или под правильным углом, но изгибается и разветвляется, принимая фантастические формы, порождая чудесные ответвления и потрясающие воображение дуги.

Человеческое время и древесное время – понятия несовместимые.

Как закопать фиговое дерево за десять шагов

1. Подождите, пока дерево не скинет листву в результате сильного мороза или снежной бури.

2. Выройте перед деревом траншею прежде, чем замерзнет земля. Убедитесь, что длины и ширины траншеи достаточно, чтобы туда свободно поместилось все дерево.

3. Обрежьте все боковые ветви и высокие вертикальные побеги.

4. Пеньковой веревкой закрепите оставшиеся вертикальные ветви, не слишком сильно затягивая.

5. Обкопайте дерево спереди и сзади примерно на фут глубиной. Используйте лопату или тяпку, но не копайте с боков, чтобы не обрубить все корни. Убедитесь, что корневой ком не поврежден и его можно с легкостью перевалить в траншею.

6. Осторожно пригните дерево к земле. Продолжайте толкать его вперед, пока оно не ляжет горизонтально в траншею (ветви могут обломаться, капиллярные нити корней – порваться, но толстые корни уцелеют).

7. Заполните траншею органическим веществом, таким как сухие листья, солома, компост или древесная мульча. Дерево необходимо засыпать слоем земли толщиной не меньше фута. Для лучшей изоляции можно использовать доски.

8. Накройте дерево листами фанеры, оставив зазоры для циркуляции воздуха и воды.

9. На фанеру положите пористую ткань или брезент, придавив ее по краям верхним слоем почвы или камнями, чтобы ткань не унесло ветром.

10. Скажите вашему фиговому дереву несколько успокаивающих слов, поверьте в нее и ждите весны.

Незнакомка

На следующий день столбик термометра опустился так низко, что Аде, которая проснулась очень рано, не захотелось вылезать из-под пухового одеяла. Она могла бы все утро нежиться в постели с книгой, если бы не зазвонил городской телефон. Громко, настойчиво. Ада вскочила с кровати, охваченная иррациональным страхом, что, несмотря на уик-энд, это звонит директор школы, горящий желанием сообщить отцу провинившейся ученицы, какой кары она заслуживает.

Ада помчалась по коридору, с каждым шагом ее сердце билось все сильнее. На полпути к кухне она остановилась, услышав, что отец взял трубку.

– Алло? Ой, привет... Здравствуй. Я собирался тебе сегодня звонить. – Голос отца изменился. Искорка предвкушения.

Прижавшись спиной к стене, Ада пыталась понять, кто бы это мог быть. Она чувствовала, что на другом конце провода женщина. Впрочем, это мог быть кто угодно: коллега, подруга детства, женщина, с которой Костас познакомился в очереди в супермаркете, хотя он был не из тех, кто легко заводит знакомства. Имелись и другие возможности, но настолько маловероятные, что сейчас Ада была не готова их рассматривать.

– Да, в любом случае приглашение остается в силе, – продолжал Костас. – Можешь приехать, когда пожелаешь.

Сделав глубокий вдох, Ада обдумала слова отца. Он редко приглашал гостей, тем более после смерти жены, а если и приглашал, то в основном коллег. Но на сей раз это был явно не тот случай.

– Я рад, что тебе удалось сесть на самолет, ведь кучу рейсов отменили. – Перейдя на тихий шепот, Костас едва слышно добавил: – Вот только мне пока не представился удобный момент ей сказать.

Ада почувствовала, что у нее горят щеки. Ее окутало черной пеленой разочарования. Это могло означать лишь одно: у отца есть тайная подруга. И как долго все это продолжается? И когда именно началось: сразу после смерти матери Ады или, возможно, раньше? Должно быть, у них серьезные отношения, а иначе он не привел бы постороннюю женщину в дом, где до сих пор живы воспоминания о покойной жене.

Ада осторожно заглянула в дверь кухни.

Отец сидел понурившись в конце стола и рассеянно крутил в руках телефонный провод. Похоже, нервничал.

– Нет, нет! Категорически нет! Ты не должна ехать в отель. Я настаиваю, – продолжал Костас. – Жаль, что ты приезжаешь в такую ужасную погоду. С удовольствием показал бы тебе достопримечательности. Да, ты должна приехать прямо из аэропорта. Все нормально. Честное слово! Мне только нужно немного времени, чтобы с ней поговорить.

Когда отец положил трубку, Ада, досчитав до сорока, вошла в кухню. Насыпала в миску кукурузных хлопьев, плеснула туда молока.

– Итак, кто звонил? – спросила она, вопреки изначальному намерению делать вид, будто не слышала разговора.

Костас кивнул на ближайший стул:

– Ада, милая, присядь, пожалуйста. Мне нужно сказать тебе кое-что важное.

Не слишком хороший знак, подумала Ада, но все же послушалась.

Костас посмотрел на свою кружку и, хотя кофе давно остыл, отхлебнул немного.

– Это была твоя тетя.

– Кто?

– Сестра твоей мамы. Мерьем. Тебе нравились открытки, которые она нам присылала. Помнишь?

Ада с раннего детства читала эти открытки бесчисленное число раз. Впрочем, сейчас ей не хотелось в этом признаваться. Выпрямившись, она спросила:

– Ну и что с ней такое?

– Мерьем в Лондоне. Прилетела с Кипра и собирается нас навестить.

– Зачем? – Ада растерянно моргнула, и ее черные ресницы коснулись щеки.

– Солнышко, она хочет нас повидать. И в первую очередь познакомиться с тобой. Я сказал ей, что она может остановиться у нас на несколько дней... Ну, может, чуть дольше. Я подумал, тебе будет полезно с ней познакомиться.

Ада опустила ложку в миску, расплескав через край молоко, и очень медленно размешала хлопья, внешне оставаясь собранной.

– Значит, у тебя нет подружки?

У Костаса задергалось лицо.

– Так ты именно об этом подумала?

Она пожала плечами.

Перегнувшись через стол, Костас взял дочь за руку и нежно пожал:

– У меня нет подружки, и я не собираюсь ее заводить. Прости, мне следовало рассказать о Мерьем раньше. Она позвонила на прошлой неделе. Сказала, что планирует приехать, но сомневается, удастся ли взять билет. Отменили так много рейсов, что я, если честно, думал, ничего не получится. Я собирался поговорить с тобой в этот уик-энд.

– Если она так жаждет нас навестить, почему не приехала на мамины похороны?

Костас снова сел на место; в безжалостном свете потолочной лампы морщины на его лице сразу обострились.

– Эй, я знаю, ты расстроена. Имеешь на это полное право. Но почему бы тебе не послушать, что скажет твоя тетя. Вероятно, она сама сможет ответить на твой вопрос.

– Не понимаю, почему ты так любезен с этой женщиной. И зачем непременно приглашать ее к нам домой? Если уж тебе так приспичило ее увидеть, мог бы просто сходить выпить с ней где-нибудь кофе.

– Солнышко, я знаю Мерьем с детства. Она единственная сестра твоей мамы. Она наша семья.

– Семья?! – фыркнула Ада. – Для меня она абсолютно чужая.

– Ладно, я все понимаю. И предлагаю разрешить ей приехать. Если она тебе понравится, ты будешь рада, что вы встретились. А если не понравится, ты будешь рада, что вы не встретились раньше. В любом случае ты ничего не теряешь.

– Папа, это крайне странный подход, – покачала головой Ада.

Костас встал и направился к раковине; ему не удалось замаскировать свой усталый взгляд. Вылив оставшийся кофе, он вымыл кружку. За окном, рядом с тем местом, где было закопано фиговое дерево, снегирь неторопливо клевал корм в кормушке, словно чувствуя, что в этом саду для него всегда найдется еда.

– Ну ладно, дорогая. – Костас вернулся к столу. – Не стану на тебя давить. Если тебе некомфортно, это нормально. Встречусь с Мерьем без тебя. После нас она собиралась навестить старую подругу. Думаю, Мерьем может поехать прямо к ней. Не переживай, твоя тетя все поймет.

Ада надула щеки и медленно выдохнула. Все слова, которые она собиралась сказать, теперь казались бессмысленными. Ее снова охватила злость, но уже другого рода. Отец не должен был так легко сдаваться. Ей надоело, что он проигрывал все схватки с ней – как пустяковые, так и серьезные, – забиваясь в угол, точно раненое животное.

Ее злость перешла в печаль, печаль – в смирение, а смирение – в оцепенение, которое стремительно распространялось, заполняя пустоту внутри. В конце концов, что изменится, если тетя погостит у них несколько дней? Визит наверняка будет бессмысленным и преходящим, как те открытки, что она присылала им в прошлом. Присутствие в доме чужого человека, конечно, будет действовать на нервы, но, возможно, поможет хоть как-то замаскировать расширяющуюся трещину между отцом и дочерью.

– Я тебе вот что скажу. Мне действительно наплевать, – заявила Ада. – Поступай как знаешь. Пусть приезжает. Только не рассчитывай, что я буду тебе подыгрывать. Договорились? Она твоя гостя. Не моя.

Фиговое дерево

Мерьем! Здесь, в Лондоне. Как странно! Прошло столько лет с тех пор, как я слышала на Кипре ее хриплый голос.

Полагаю, пришло время поведать вам кое-что важное о себе. Я совсем не то, что вы думаете, видя перед собой молодое, хрупкое фиговое дерево, посаженное в саду в Северном Лондоне. Собственно, я такая и не такая. Возможно, мне стоит сказать, что за одну жизнь я прожила несколько жизней – иными словами, я уже старая.

Я родилась и росла в Никосии. Давным-давно. Те, кто знал меня раньше, не могут спрятать улыбку и ласковый блеск в глазах. Меня ценили и любили так сильно, что в мою честь даже назвали таверну. И что это была за таверна! Лучшая в округе! Медная вывеска над входом гласила:

СЧАСТЛИВАЯ СМОКОВНИЦА

Именно внутри этой прославленной едальни и наливайки, битком набитой, шумной, веселой и гостеприимной, я пустила свои корни и проросла через отверстие в крыше, специально проделанное ради меня.

Все гости Кипра хотели здесь пообедать и попробовать фаршированные цветки кабачков и приготовленные на углях сувлаки из цыпленка, если им повезет найти свободный столик. В этом месте посетителям предлагали лучшую еду, лучшую музыку, лучшее вино, лучший десерт – фирменное блюдо этого заведения: запеченные в меду фиги с анисовым мороженым. Но, по мнению завсегдатаев, было в этой таверне еще и другое: она позволяла забыть, хотя бы на несколько часов, о внешнем мире с его непомерными скорбями и горестями.

Я была высокой, сильной, уверенной в себе и, что удивительно для моего возраста, по-прежнему сгибалась под тяжестью роскошных, сладких, ароматных фиг. Целый день я с удовольствием прислушивалась к звяканью тарелок, болтовне посетителей, пению музыкантов, исполнявших греческие и турецкие песни – песни о любви, измене и разбитом сердце. Днем я спала безмятежным сном, поскольку у меня не было причин сомневаться, что завтра будет лучше, чем вчера. Пока все это разом не закончилось.

И уже спустя много лет после того, как остров разделили на две части, а таверна пришла в запустение, Костас Казандзакис срезал с ветки отросток и положил в чемодан. Думаю, я буду вечно благодарна ему за это, а иначе меня бы уже не было в живых. Ведь я умирала: то дерево, что росло на Кипре. Однако отросток, который тоже был мной, выжил. Малюсенький побег длиной десять дюймов и толщиной с мизинец. И этот крошечный побег стал моим клоном, генетически идентичным. Именно из него я и разрослась в своем новом доме в Лондоне. Возможно, структура моих ветвей несколько другая, но во всем остальном мы были идентичны: та, какой я была на Кипре, и та, кем стала в Англии. Единственная разница состояла в том, что я больше не была счастливым деревом.

Чтобы помочь мне пережить долгое путешествие из Никосии в Лондон, Костас тщательно завернул меня в несколько слоев влажной мешковины и сунул на дно чемодана. Костас знал, что рискует. Английский климат был слишком холодным, чтобы я могла нормально развиваться, не говоря уже о том, чтобы плодоносить. Итак, Костас рискнул. И я не подвела его.

Мне понравился мой новый дом в Лондоне. Я очень старалась туда вписаться, стать своей. Иногда я скучала по своим фиговым осам, но, к счастью, за последние несколько тысяч лет эволюции появились партенокарпические разновидности фиговых деревьев, и я как раз принадлежу к тем, которые не нуждаются в опылении. Несмотря на это, мне потребовалось целых семь лет, чтобы снова приносить плоды. Вот что с нами делают эмиграция и перемещение. Когда ты покидаешь свой дом ради неведомых берегов, то не просто живешь не так, как раньше, нет, какая-то часть тебя умирает, чтобы оставшаяся могла начать жить заново.

Сегодня, когда другие деревья спрашивают меня, сколько мне лет, я не в состоянии дать конкретный ответ. Последний раз я запомнила себя в таверне на Кипре в возрасте девяноста шести лет. Мне, выросшей из отростка, посаженного в Англии, сейчас чуть больше шестнадцати.

Скажите, вам всегда приходится вычислять чей-то возраст путем сложения месяцев и годов, то есть простых арифметических действий, или бывают случаи, когда разумнее корректировать ход времени, чтобы в результате прийти к правильному общему числу? А как насчет наших предков: могут ли и они продолжать существовать через нас? И не потому ли, когда вы знакомитесь с некоторыми личностями – совсем как с деревьями, – у вас непроизвольно возникает ощущение, что они, должно быть, старше, чем кажется, и их истинный возраст больше хронологического?

И с какого места вы начинаете рассказывать чью-либо историю, если каждая жизнь имеет не одну нить и то, что мы называем рождением, – это не только начало, а смерть – это не совсем конец?

Сад

В субботу вечером, когда Ада допила бутылку диетической кока-колы, а Костас – свой последний за сегодняшний день кофе, тишину дома разорвал звонок в дверь.

Ада вздрогнула:

– Неужели это она? Уже?

– Пойду узнаю. – Костас, бросив виноватый взгляд на дочь, вышел из комнаты.

Сложив руки на коленях, Ада принялась рассматривать свои ногти, обгрызенные до мяса. Затем подцепила кутикулу на большом пальце правой руки и медленно потянула за нее. А уже через несколько секунд услышала донесшиеся из коридора голоса.

– Привет, Мерьем! Ну вот ты и здесь. Рад тебя видеть.

– Боже мой, Костас! Наконец-то свиделись!

– Ну а ты... ты ни капельки не изменилась.

– Ах, какая чудовищная ложь! Но знаешь что? В моем возрасте я беру от жизни все, что могу взять.

– А я возьму твои чемоданы, – рассмеялся Костас.

– Спасибо. Боюсь, они чуть тяжеловаты. Прости, я знаю, мне следовало позвонить за неделю до этого, чтобы подтвердить свой приезд. Но я уезжала в такой суматохе. До последнего момента не была уверена, что смогу попасть на нужный рейс. Пришлось даже слегка поскандалить в туристическом агентстве...

– Все нормально, – спокойно сказал Костас. – Я рад, что ты приехала.

– Я тоже... Я так счастлива оказаться здесь! Наконец-то!

Напряженно прислушиваясь, Ада села прямо, удивленная легким налетом интимности в их разговоре. Она еще сильнее потянула за кутикулу. Между ногтем и мякотью пальца появилась алая полоска крови. Ада поспешно ее слизнула.

И почти сразу же в комнату вошла женщина в пушистом темно-сером пальто с капюшоном, делавшим ее круглое лицо еще круглее, а оливковую кожу – теплее. У женщины были широко расставленные ореховые, с медными крапинками глаза под ниточками бровей и темно-рыжие волосы, волнами падавшие на плечи. Ее нос, без сомнения, был самой выдающейся чертой: мощный, костлявый. В левой ноздре поблескивала крошечная прозрачная серьга-гвоздик. Критически оглядев гостью, Ада пришла к выводу, что та ничуть не похожа на маму.

– Ой, вау! Ты, наверное, Ада!

Ада встала и, закусив щеку, произнесла:

– Привет!

– Боже мой, я ожидала увидеть маленькую девочку, а нашла юную леди!

Ада выставила вперед руки, но тетя Мерьем уже стремительно бросилась ей навстречу и прижала к груди, большой и мягкой, вздымавшейся на уровне подбородка племянницы. У тети были холодные от ветра щеки, и пахло от нее розовой водой, смешанной с лимонным одеколоном.

– Дай мне на тебя посмотреть! – Мерьем разжала руки и взяла Аду за плечи. – Ох, какая же ты красавица! Совсем как твоя мама. В жизни ты даже лучше, чем на фото.

Ада попятилась, высвободившись из тетиных объятий:

– У вас есть мои фотографии?

– Ну конечно. Сотни фото! Твоя мама часто присылала их мне. Я храню их в альбомах. У меня есть даже глиняные отпечатки твоих младенческих ножек. Такая прелесть!

Ада зажала левой рукой кровоточащий большой палец. Его уже начало дергать: устойчивая, пульсирующая боль.

В этот момент в комнату вошел Костас с тремя большими чемоданами розового цвета с портретом Мэрилин Монро.

– Ой, спасибо большое! Пожалуйста, не беспокойся! Просто поставь, – засуетилась Мерьем.

– Нет проблем. Твоя комната готова, если хочешь сперва отдохнуть. Или можно выпить чая. Как пожелаешь. Может быть, ты голодная?

Рухнув в ближайшее кресло, Мерьем, звеня браслетами и кольцами, скинула пальто. На шее у нее блеснула золотая цепь с «глазом Фатимы», синим и немигающим.

– Спасибо, я сыта. Порции в самолете, конечно, крошечные, но от них раздуваешься, как рыба фугу. Так что мне ничего не надо. Хотя чашку чая я всегда готова выпить. Без молока. И как только англичане его пьют? Никогда не понимала.

– Естественно. – Поставив чемоданы на пол, Костас направился на кухню.

Оказавшись наедине с этой шумной незнакомкой, Ада почувствовала, как у нее напряглись плечи.

– А теперь расскажи мне, в какую школу ты ходишь? – Голос Мерьем звенел серебряными колокольчиками. – Какой твой любимый предмет?

– Простите. Я лучше пойду помогу папе, – сказала Ада и, не дождавшись ответа, пулей выскочила из комнаты.

* * *

Костас на кухне наливал чайник.

– Ну? – прошептала Ада, подойдя к прилавку.

– Ну? – эхом отозвался Костас.

– А ты не собираешься спросить ее, почему она приехала? Должна же быть какая-то причина. Спорим, это что-то связанное с деньгами. Может, умерли мои бабушка с дедушкой, возник какой-нибудь спор насчет наследства и она хочет получить мамину долю.

– Ада, милая, расслабься, не делай поспешных выводов.

– Папа, вот ты ее сам и спроси!

– Спрошу, дорогая. Мы спросим. Вместе. Терпение.

Костас поставил на плиту чайник, а на поднос чашки, открыл пакет с печеньем и понял, что печенье кончается. Он забыл сходить за покупками.

– Мне она не нравится, – закусив нижнюю губу, заявила Ада. – Она какая-то чрезмерная. Ты слышал, что она говорила о слепках моих младенческих ножек? Это меня просто выбешивает! Нельзя вот так запросто ворваться в дом кого-то, кого вы никогда не видели, и строить из себя уси-пуси.

– Послушай, почему бы тебе не заварить чай? Чайник готов. Просто добавь воды. Хорошо?

– Ладно, – вздохнула Ада.

– Я пойду поболтаю с ней. Не торопись. Никакого давления. Можешь присоединиться к нам, когда пожелаешь.

– А это обязательно?

– Да ладно тебе, Адица! Давай дадим ей шанс. Твоя мама любила свою сестру. Сделай это ради своей мамы.

* * *

Дожидаясь в одиночестве, пока закипит вода, Ада в задумчивости прислонилась к прилавку.

«Какая же ты красавица! – сказала тетя. – Совсем как твоя мама».

Ада вспомнила сонный день в предпоследнее лето. Клумбы петуний и бархатцев окрасили сад яркими оранжевыми и пурпурными красками, смерти еще лишь предстояло войти в этот дом. Ада с мамой босые сидели в шезлонгах, голые ноги были нагреты солнцем. Мама, покусывая кончик карандаша, решала кроссворд. Ада, потягивая лимонад, писала эссе о греческих богах, но никак не могла сосредоточиться.

– Мама, это правда, что Афродита была самой прекрасной из всех богинь Олимпа?

Смахнув с глаз прядь волос, Дефне посмотрела на дочь:

– Да, она была красивой, но была ли она такой уж милой, вопрос спорный.

– Ой! Она что, была злой?

– Ну она могла быть, извиняюсь за выражение, настоящей сукой. Она не поддерживала женщин. Если тебе интересно мое мнение, то ее трудно было назвать феминисткой.

– Ты говоришь так, будто хорошо ее знаешь, – хихикнула Ада.

– Конечно знаю! Мы родом с одного острова. Она родилась из морской пены недалеко от Пафоса.

– А я и не знала. Она что, богиня красоты и любви?

– Все верно. А также желания и удовольствия... и деторождения. Хотя последние качества приписали уже позднее римской реинкарнации Афродиты – Венере. Греческая Афродита была более жестокой и эгоистичной. За ее прекрасной внешностью скрывался агрессор, пытавшийся контролировать женщин.

– Как?

– Жила-была юная блестящая девушка по имени Полифонта. Умная, волевая. Посмотрев на свою мать и на свою тетю, Полифонта поняла, что хочет для себя другой жизни. Никакого супружества, никакого мужа, никакой собственности, никаких домашних обязанностей. Нет уж, спасибо большое! Она решила, что будет странствовать, путешествовать по миру, пока не найдет то, что ей нужно. А если не сумеет этого найти, то станет девственной служительницей Артемиды. Таков был план Полифонты. Узнав об этом, Афродита пришла в дикую ярость. И знаешь, что она сделала с Полифонтой? Свела ее с ума. Бедная девушка лишилась рассудка.

– А зачем богиня это сделала?

– Отличный вопрос. Во всех мифах и волшебных сказках женщину, нарушающую условности, непременно наказывают. И очень часто наказание это психологическое, моральное. Классика жанра, да? Помнишь первую жену мистера Рочестера в «Джейн Эйр»? Полифонта – средиземноморская версия душевнобольной женщины, но в нашем случае ее не заперли в мансарде, а скормили медведю. Ужасно нецивилизованный конец для женщины, не желавшей быть частью цивилизации.

Ада хотела улыбнуться, но что-то ей мешало.

– В любом случае эта твоя Афродита, – закончила Дефне, – не была другом женщин. Хотя и очень красивой!

* * *

Когда Ада вернулась в гостиную с подносом, на котором стояли фарфоровые чашки и тарелка с песочным печеньем, то, к своему удивлению, никого там не обнаружила.

Поставив поднос на кофейный столик, она огляделась по сторонам:

– Папа?

Дверь гостевой комнаты была открыта настежь. Тети в комнате не было, только на кровати лежали ее чемоданы.

Ада проверила кабинет и остальные комнаты, однако папа с тетей как сквозь землю провалились. Вернувшись в гостиную, Ада заметила, что выходящие в сад французские окна за плотными шторами не заперты. Она распахнула створки и вышла наружу.

Холодно. Пронизывающий холод и полумрак. Один из садовых фонарей, должно быть, потух. На мощеную дорожку падал бледный мерцающий свет серебряной луны. Когда глаза Ады приспособились к темноте, она увидела неподалеку два черных силуэта. Словно забыв о приближающейся буре, папа с тетей стояли бок о бок под мокрым снегом рядом с тем местом, где было закопано фиговое дерево. Так странно было видеть рядом эти два силуэта на фоне непроглядной ночи, что Ада отшатнулась.

– Папа, что ты здесь делаешь? – спросила она, но ветер унес ее голос прочь.

Ада сделала шаг навстречу отцу с тетей, потом еще один. Теперь она ясно видела их. Папа молча стоял очень прямо, руки сложены на груди, голова чуть склонена набок. Тетя, держа в руках кучку камней, вероятно подобранных в саду, задыхающимся голосом читала молитву, слова вылетали из ее рта, путаясь и спотыкаясь. Что такого она могла говорить?

Закончив молиться, Мерьем принялась укладывать камни друг на друга, сооружая нечто вроде маленькой башни. Ритмичный стук камней напомнил Аде о волнах, тихо бьющихся о борт лодки.

Ну а потом Ада услышала мелодию, утробную, надрывную, заунывную, и невольно подавалась вперед. Ее тетя пела. Грудным, сильным голосом. На незнакомом языке, и так печально, что Ада сразу поняла: это погребальная песня.

Ада застыла, опасаясь нарушить ход непонятного действия. Ветер раздувал ее волосы, ногти впивались в ладони, но она ничего не замечала. Скрытая полутьмой, она следила за двумя взрослыми возле закопанного фигового дерева замороженно и в то же время отстраненно, будто смотрела чужой сон.

Фиговое дерево

Это был ритуал для мертвых. Древний обряд, предназначенный для того, чтобы благополучно проводить душу своего незабвенного и не дать ей заплутать в закоулках заоблачных высей. Как правило, церемонию проводят под фиговым деревом, но, полагаю, учитывая мое нынешнее положение, они решили провести ее над фиговым деревом.

С того места, где я лежала, мне было слышно низкое, резонирующее, повторяющееся стук-стук-стук камней, уложенных один на другой, словно столб, на котором покоится небесный свод. Те, кто верит в подобные вещи, утверждают, что этот звук передает стук шагов потерянной души, бредущей по мосту Сират, который тоньше волоса, острее лезвия меча. Мост перекинут через пропасть между этим миром и следующим. С каждым шагом душа сбрасывает очередной груз, коему нет числа, пока полностью не освобождается от бремени, включая всю скопившуюся внутри боль.

Фиговые деревья, по утверждению тех, кто нас хорошо знает, долгое время считались священными. Во многих культурах души, согласно верованиям, селились в наших стволах – добрые, злые, неопределившиеся, но все – невидимые для глаза непосвященного. Утверждают также, что каждый род *Ficus* является, в сущности, местом встречи самых разных видов. Они собираются под нами и над нами, а также около нас, причем не только люди и животные, но и светлые и темные существа. Есть множество рассказов о том, как листья баньяна, моего ближайшего родственника, могут внезапно начать шелестеть при полном безветрии. И пока все остальные деревья остаются неподвижными, а вселенная, казалось, застыла, баньян шевелится и разговаривает. А воздух зловеще сгущается. Жуткое зрелище! Лучше бы вам его не видеть.

Люди всегда ощущали, что во мне и представителях моего рода есть нечто сверхъестественное. Вот почему они приходили к нам в час нужды или горя и завязывали на наших ветвях бархатные ленты либо полоски ткани. Иногда мы помогаем им, хотя они этого даже не замечают. А как, по-вашему, смогла бы волчица найти братьев-близнецов Ромула и Рема, если бы корзина, в которой они плыли по опасным водам Тибра, не зацепилась бы за корни смоковницы *Ficus ruminalis*? В иудаизме сидение под смоковницей с древних времен ассоциировалось с глубоким, благочестивым изучением Торы. И хотя Иисус мог и невзлюбить конкретную бесплодную смоковницу, не стоит забывать, что именно сделанная из смоковницы припарка, приложенная к ране царя Езекии, спасла ему жизнь. Пророк Мухаммед говорил, что смоковница – единственное дерево, которое он хотел бы видеть в раю. В Коране даже есть сура, названная в нашу честь. Именно после медитации под *Ficus religiosa* Будда достиг просветления. Кстати, а я упомянула о том, как нас любил царь Давид, или о том, как мы дали надежду и новое начало людям и животным на Ноевом ковчеге?

Я глубоко сочувствую всем, кто по той или иной причине ищет убежища под фиговым деревом, а люди делали так веками, от Индии до Анатолии, от Мексики до Сальвадора. В нашей тени бедуины улаживали свои разногласия, друзья почтительно целовали нашу кору, клали вокруг нас личные вещи, молясь о достижении марифы³. И арабы, и евреи готовились возле нас к свадьбам в надежде, что брак будет достаточно прочным, чтобы выстоять под натиском предстоящих непогоды и бурь. Буддисты, а также индуисты хотели, чтобы мы цвели возле их святилищ. В Кении женщины племени кикуйю натирались соком фиговых деревьев, для того чтобы забеременеть, и эти же женщины отважно защищали нас, когда кто-нибудь хотел срубить священное мугумо⁴.

³ *Марифа* – в суфизме внеопытное знание, которое достигнуто иррациональным путем в результате длительной духовной практики и субъективных ощущений.

⁴ *Мугумо* – так кикуйю называют фиговое дерево, которое считают священным.

Под нашим пологом резали жертвенных животных, давали обеты, обменивались кольцами и мирились, положив конец кровной вражде. А некоторые даже верили, что если семь раз обойти вокруг фигового дерева, зажигая благовония и произнося правильные слова, то можно изменить свой пол. Наконец, были люди, которые загоняли в наш ствол острейшие гвозди, чтобы передать нам свои болезни или недуги. И это мы тоже молча терпели. Нас не зря называли священными деревьями, деревьями желаний, проклятыми деревьями, призрачными деревьями, неземными деревьями, жуткими деревьями, деревьями – похитителями душ.

И не зря Мерьем настаивала на проведении ритуала оплакивания покойной сестры под – или над – *Ficus carica*. И когда она начала складывать камни друг на друга, я услышала, как она поет элегию, медленную и печальную, запоздалые причитания на похоронах, которые пропустила.

Между тем мой ненаглядный Костас держался чуть в стороне и в основном молчал. Мне не было нужды видеть его лицо, чтобы знать, что на нем написано вежливое неодобрение. Как человек науки, разумный и с аналитическим умом, он никогда не верил в сверхъестественное, однако никогда не стал бы принижать того, кто верил. Ведь при всей своей учености он в первую очередь был островитянином. И его тоже воспитала мать, склонная к суевериям.

Однажды я слышала, как Дефне сказала Костасу:

– Люди со спорных островов никогда не будут нормальными. Мы можем притворяться, можем демонстрировать потрясающие успехи, однако мы никогда не научимся чувствовать себя в безопасности. То, что другим кажется незыблемым, для нас является бурными водами.

Костас, как всегда, внимательно выслушал жену. На протяжении их совместной жизни и тогда, когда они еще только встречались, он пытался сделать все, чтобы эти бурные воды не поглотили ее, хотя в конце концов именно так и случилось.

Не знаю, почему воспоминание о том разговоре сегодня вечером неожиданно всплыло у меня в памяти. Мне вдруг стало любопытно, были ли те камни, что Мерьем положила на мерзлую землю, некой формой утешения, символом вновь обретенной уверенности, когда ничего вокруг больше не казалось незыблемым.

Банкет

Проснувшись на следующее утро, Ада сразу почувствовала наполнившие дом непривычные ароматы. Ее тетя приготовила завтрак, а точнее, форменный банкет. На столе были аккуратно выставлены: жареный халлуми с тимьяном, запеченная фета с медом, халва с кунжутом, фаршированные томаты, зеленые оливки с фенхелем, булочки с оливковым маслом, жареный перец, пряная колбаса, бурек со шпинатом, сырны палочки из слоеного теста, гранатовая меласса с тахини, желе из боярышника, айвовый джем и большая миска яиц пашот с чесночным йогуртом.

– Ух ты! – войдя в кухню, воскликнула Ада.

Мерьем, в длинной черной юбке и свободном кардигане до колена, нарезавшая на деревянной доске петрушку, с улыбкой повернулась к племяннице:

– Доброе утро.

– Откуда вся эта еда?

– Ну кое-что я нашла в кухонных шкафах, остальное привезла с собой. Ой, видела бы ты меня в аэропорту! Я ужасно боялась, что все эти ищейки унюхают мою халву. У меня сердце в пятки ушло, когда я проходила через таможню. Ведь они всегда останавливают людей вроде меня. Правда? – Она показала на свои волосы. – Темные волосы, неправильный паспорт.

Ада сидела в конце стола, внимательно слушая. Она увидела, что тетя отрезает большой кусок бурека, а затем щедрой рукой кладет на тарелку яйца и колбасу.

– Это мне? Спасибо. Мне столько не съесть.

– Не съесть?! Тут всего ничего. Орел не питается мухами.

Если Аду и удивили эти слова, на ее лице не дрогнул ни один мускул. Она оглядела кухню:

– А где папа?

Мерьем, взяв стакан чая, пододвинула себе стул. Похоже, она, помимо всего прочего, привезла с Кипра набор чайных стаканов и медный самовар, который сейчас кипел и плевался в углу.

– Он там, в саду. Сказал, ему нужно поговорить с деревом.

– Ага... Хотя меня это не удивляет, – едва слышно пробормотала Ада, вонзив вилку в тесто. – Он просто одержим этой фигой.

По лицу Мерьем пробежала тень.

– Ты не любишь фиговое дерево?

– С чего бы мне не любить дерево? Какое мне до него дело?

– А ведь это не обычное дерево. Твои мама с папой привезли его прямо из Никосии.

Ада этого не знала, и ей нечего было сказать в ответ. Сколько она себя помнила, *Ficus carica* всегда рос там, в саду за домом. Она откусила кусок бурека и медленно прожевала. Спору нет, тетя классно готовила, в отличие от мамы, которую никогда не интересовало домашнее хозяйство.

Девочка отодвинула тарелку.

Мерьем подняла брови, выщипанные так тонко, что на ее пухлом лице они напоминали нарисованные карандашом дуги.

– Что такое? Ты больше не хочешь кушать?

– Простите, я не любительница завтраков.

– Это теперь что, такая особая группа? А мне казалось, нет таких людей, которые не были бы любителями завтраков. Ведь мы всегда просыпаемся голодными.

Ада покосилась на тетю. У той была специфическая манера говорить, которую Ада находила забавной и в то же время раздражающей.

– Всем доброго утра. – В кухню размашистым шагом вошел Костас; от холода его щеки покраснели, на волосах таяли слипшиеся снежинки. – Какой сказочный стол!

– Да, но кое-кто отказывается кушать, – пожаловалась Мерьем.

Костас улыбнулся дочери:

– По утрам у Ады нет аппетита. Ничего, поест потом.

– Потом – это совсем не то, что сейчас. Человек должен завтракать как султан, обедать как визирь, ужинать как нищий. Иначе нарушится порядок вещей.

Скрестив на груди руки, Ада села на место и внимательно посмотрела на женщину, возникшую в их жизни из ниоткуда: шумную, громогласную, с крупными чертами лица.

– Но вы нам так и не сказали, зачем приехали.

– Ада! – одернул дочь Костас.

– Что? Ты сам сказал, я могу спросить.

– Все нормально. Это даже хорошо, что она спрашивает. – Мерьем положила в чай кусочек сахара и размешала, а когда снова заговорила, голос ее звучал совсем по-другому. – Мама умерла. Ровно десять дней назад.

– Мама Сельма умерла? Я не знал. Сочувствую твоей утрате, – произнес Костас.

– Спасибо, – не сводя глаз с Ады, ответила Мерьем. – Твоей бабушке было девяносто два года. Она умерла во сне. Счастливая смерть, как у нас принято говорить. Я позаботилась о похоронах, после чего заказала билеты на первый рейс, который смогла найти.

Ада повернулась к отцу:

– Я же говорила тебе, все дело в наследстве.

– В каком таком наследстве? – встрепелась Мерьем.

Костас покачал головой:

– Ада думает, тебе нужно уладить кое-какие бумажные дела и ты здесь именно поэтому.

– Ой, теперь понимаю! Типа завещание. Нет, мои родители жили очень скромно. У меня нет нужды утрясать с вами какие-либо формальности.

– Тогда зачем вы к нам заявили как снег на голову? – В глазах Ады появился лихорадочный блеск.

В повисшей тишине что-то такое проскочило между Костасом и Мерьем, нечто вроде молчаливого обмена словами. Ада сразу это почувствовала, хотя, что конкретно, сказать не могла. Подавив желание спросить, что именно они от нее скрывают, она резко выпрямилась, как учила мама.

– Я всегда хотела приехать повидаться с вами, – после короткой паузы произнесла Мерьем. – Как можно не хотеть познакомиться с ребенком родной сестры? Но я дала обещание. Мой отец умер четырнадцать лет назад. Ты тогда была еще совсем крошкой. При жизни родителей я была связана честным словом.

– И что за обещание такое? – спросила Ада.

– Что я никогда не увижу никого из вас, пока живы родители, – с придыханием ответила Мерьем. – И когда мама умерла, я почувствовала себя свободной от обязательств и смогла поехать.

– Ничего не понимаю, – покачала головой Ада. – Зачем было давать такое ужасное обещание? И кем надо быть, чтобы просить о подобных вещах?

– Ада, милая, не волнуйся, – сказал Костас.

Ада сердито сверкнула на отца глазами:

– Да ладно тебе, папа! Я уже не ребенок. И все понимаю. Ты грек. Мама – турчанка. Кровная вражда на национальной почве. Ты кое-кого сильно расстроил, женившись на маме, да? Ну и что с того? Такому поведению просто нет оправдания. Они ни разу не приехали нас навестить. Ни один из них. Никто из ваших родственников ни с той ни с другой стороны. Они

не приехали на мамины похороны. И ты называешь это семьей?! Я не собираюсь сидеть здесь, есть фалафель, слушать дурацкие поговорки и делать вид, будто меня все это устраивает!

Мерьем автоматически бросила второй кусочек сахара в стакан, явно забыв, что уже подсластила чай. Сделала глоток. Слишком приторно. И отставила стакан в сторону.

– Простите, если я вела себя грубо. – Покачав головой, Ада резко отодвинула стул и поднялась. – Мне нужно делать уроки.

После ухода Ады на кухне наступило неловкое молчание. Мерьем сняла кольца, один за другим, и снова надела. После чего пробурчала себе под нос:

– Я не готовила фалафель. Это даже не наша кухня.

– Извини, – сказал Костас. – Аде пришлось через многое пройти в этом году. Ей было невероятно тяжело.

– И тебе тоже. – Мерьем подняла голову, устремив взгляд на зятя. – Но сходство потрясающее. Она... совсем как ее мать.

– Я знаю, – со слабой улыбкой кивнул Костас.

– Хотя у нее есть полное право задавать вопросы, – заметила Мерьем. – А почему ты на меня не сердись?

– Ну и как нам это поможет? Разве мы не нахлебались этого сполна: злости, ненависти, обиды? Нахлебались полной ложкой.

Мерьем, словно что-то потеряв, обвела глазами кухню. Когда она снова заговорила, ее голос опустился до шепота.

– А что известно Аде?

– Немного.

– Но ей ведь интересно. Она молодая, умная и хочет все знать.

Костас наклонил голову, морщины на лбу стали еще глубже.

– Она английский ребенок. И никогда не была на Кипре. Дефне оказалась абсолютно права. Зачем обременять наших детей грузом прошлого и заставлять их разбираться в проблемах родителей? Это новое поколение. Они начинают жизнь с чистого листа. Не хочу забивать ей голову историей, которая принесла нам лишь боль и разлад.

– Как хочешь, – печально ответила Мерьем.

Она бросила в стакан очередной кусок сахара и стала смотреть, как он медленно растворяется.

Часть вторая Корни

Любовники

Кипр, 1974 год

Час до полуночи. Светила луна, яркая и радостная. Было полнолуние, что Дефне всегда нравилось, хотя сегодня ночью она предпочла бы покров темноты.

Девушка встала с постели и сменила пижаму на длинную синюю юбку с вышитым кожаным поясом и белую блузку с оборками, которая, как все говорили, ей очень идет. Надела серьги, но не золотые – такие крошечные, что на мочке их практически было не видно, – а из кварца, свисавшие до плеч и сиявшие, как звезды. Серьги позволяли ей чувствовать себя старше и эффектнее. Связав шнурки кроссовок, она повесила их на шею. Дефне нужно было быть тихой, как эта ночь.

Подняв оконную раму, она залезла на подоконник и несколько секунд сидела скорчившись на выступе окна. Вдали прозвучал тихий клич, всего две ноты, возможно, это сова преследовала добычу. Затаив дыхание, Дефне прислушалась. Костас научил ее различать последовательность звуков в уханье совы: короткая нота, короткая пауза, длинная нота, длинная пауза. Совиная азбука Морзе только для них двоих.

Дефне ухватила за ветку тутового дерева, повиснув на ней, затем начала спускаться, перебираясь с ветки на ветку, как частенько делала в детстве. Спрыгнув на землю, она огляделась по сторонам проверить, нет ли поблизости соглядатаев. На мгновение ей показалось, будто в окне мелькнула чья-то тень. Может, это сестра? Впрочем, прямо сейчас Мерьем должна была крепко спать у себя в комнате. Придется проверить позже.

С сосущим чувством под ложечкой Дефне выскользнула из сада. Лунный свет отражался от выложенной вдоль узеньких улочек брусчатки, образуя мерцавшие под ногами серебряные струйки, что создавало полное впечатление, будто бредешь по воде. Дефне шла быстрым шагом, каждые несколько секунд оглядываясь через плечо – проверить, что за ней никто не идет.

* * *

Обычно они встречались здесь поздно ночью, перед поворотом дороги, возле старого оливкового дерева. Недолго гуляли или сидели на низкой стене, прячась в тени, а тьма мягкой шалью окутывала их обнаженные нервы. Иногда над головой пролетала кваква или мимо ковылял еж – ночные создания, скрытные, как и наши любовники.

Сегодня Дефне опаздывала. Когда она приблизилась к месту встречи, у нее участилось дыхание. Из-за отсутствия фонарей и каких-либо домов поблизости кругом было темно так, что хоть глаз выколи. Дефне подошла поближе и прищурилась, пытаясь разглядеть между деревьями знакомый силуэт, однако абсолютно ничего не увидела. У нее екнуло сердце. Он, должно быть, ушел. И все-таки она продолжала идти, еще на что-то надеясь.

– Дефне?

Костас слегка округлял гласные, в его устах ее имя звучало чуть мягче. Теперь она уже могла видеть очертания мужской фигуры. Высокой, стройной, которую ни с кем не спутаешь. Крошечный оранжевый огонек двигался вместе с рукой Костаса.

– Это ты? – прошептал он.

– Да, дурачок, а кто еще это может быть? – Дефне подошла поближе, улыбаясь. – А я и не знала, что ты куришь.

– Я тоже не знал, – сказал Костас. – Просто я нервничал. И стащил у брата пачку сигарет.

– Но зачем ты куришь, *аским*?⁵ Разве ты не знаешь, это всего-навсего пара затяжек, которые растают, как только ты выдохнешь? – Увидев его опрокинутое лицо, Дефне рассмеялась. – Шучу-шучу. Все нормально. Не обращай внимания. У меня оба родителя курят. Я привыкшая.

Они взялись за руки, их пальцы переплелись. Дефне заметила, что от Костаса сильнее обычного пахнет одеколоном. Похоже, не она одна хотела произвести впечатление. Девушка притянула любимого к себе для поцелуя. Она была на год старше его и считала себя более искушенной.

– Я ужасно боялся, что ты не придешь, – признался Костас.

– Но я ведь обещала. Разве нет?

– Да, и все же...

– В нашей семье привыкли держать слово. Нас так отец воспитал. И меня, и Мерьем.

Костас выбросил окурочек и раздавил каблуком.

– Неужели ты никогда в жизни не нарушала обещания?

– Нет. На самом деле никогда. Думаю, моя сестра тоже. Впрочем, я собой отнюдь не горжусь. Это страшно утомительно. Если мы дали слово, нам приходится его держать. Вот почему я стараюсь как можно реже давать обещания. – Откинув голову, Дефне посмотрела Костасу прямо в глаза. – Но я могу смело обещать одну вещь. Я всегда буду любить тебя, Костас Казандзакис.

Она слышала, как сильно бьется в груди его сердце. Костас был нежным, точно утренняя роса, и умел петь трогательные баллады на незнакомом ей языке. И вот теперь этот парень, который мог взволнованно рассказывать о вечнозеленых кустарниках и удодах, казалось, не мог найти нужных слов.

Дефне наклонилась к нему так близко, что он почувствовал на лице ее дыхание.

– А как насчет тебя?

– Меня? Я уже взял на себя обязательство... давным-давно. Я знаю, что никогда тебя не разлюблю.

Она улыбнулась, хотя ее привычный цинизм не позволил поверить ему. Однако не позволил и усомниться в нем. По крайней мере, сегодня ночью. Ей хотелось обвить его слов, чтобы защитить их, подобно дрожащему огоньку, который держишь в ладонях на сильном ветру.

– Я кое-что тебе принес. – Костас вытащил из кармана какой-то небольшой предмет без обертки.

Музыкальная шкатулка, вырезанная из вишневого дерева, с яркими бабочками на крышке и ключиком с красной шелковой кисточкой.

– Ой, как красиво! Спасибо большое!..

Она прижала шкатулку к груди, ощущая ее гладкую прохладу. Дефне знала: чтобы купить подобную вещь, Костасу нужно было откладывать деньги. Она осторожно повернула ключик, из шкатулки полилась сладостная мелодия. Молодые люди слушали до тех пор, пока музыка не закончилась.

– У меня для тебя тоже кое-что есть.

Дефне вытащила из сумки свернутый в трубочку лист бумаги. Карандашный портрет сидевшего на камне Костаса. На горизонте парили птицы, по обе стороны от Костаса высились ряды каменных арок. Неделю назад влюбленные прогуливались вдоль старого акведука, по которому в свое время вода с гор поступала на север города. И хотя встречаться днем было

⁵ Любовь моя (*тур.*).

гораздо рискованнее, они провели там весь день, вдыхая аромат диких трав, после чего Дефне захотелось все это запечатлеть.

Костас поднял рисунок повыше, чтобы рассмотреть его в лунном свете:

– Ты сделала меня красивым.

– Ну это было совсем нетрудно.

Вглядевшись в лицо Дефне, он осторожно провел пальцами по нежной линии ее подбородка:

– Ты такая талантливая.

Они поцеловались, на сей раз долгим поцелуем, жадно потянувшись друг к другу, словно из боязни упасть. И все-таки в их движениях сквозила определенная робость, хотя с каждой лаской, с каждым любовным шепотом они становились нежнее. Ведь тело любимого – это земля без границ. Ты открываешь ее, но не сразу, а осторожно, шаг за шагом, сбиваясь с пути, теряя ориентацию, пробираясь по ее залитым солнцем долинам и холмистым полям – теплым и радушным, – и попадаешь в потайные уголки со скрытыми пещерами – невидимыми, неожиданными – и выбоинами, о которые можно споткнуться и пораниться.

Обвив Дефне обеими руками, Костас прижался щекой к ее голове. Дефне зарылась лицом ему в шею. Они оба хорошо знали, что даже в такой поздний час кто-нибудь может их увидеть и сообщить родителям. Остров, большой или маленький, всегда полон чужих глаз за каждым зарешеченным окном, за каждой трещиной в стене; они следят за тобой с помощью каждого парящего высоко в небе краснохвостого сыча, с его немигающим хищным взглядом.

Рука об руку, стараясь держаться в тени, влюбленные неторопливо прогуливались, им было некуда спешить. Дефне замерзла в тонкой блузке. Костас предложил ей свою куртку, девушка отказалась. А когда он предложил куртку снова, Дефне обиделась, что с ней обращаются как со слабым полом. Такая вот упрямая.

Ему было семнадцать, ей – восемнадцать.

Фиговое дерево

Я лежу здесь, под землей, прислушиваясь к малейшим шорохам. Из-за отсутствия любых источников света – солнца или луны – мой суточный цикл сбился и нормальный сон нарушился. Думаю, это чем-то похоже на джетлаг. День и ночь смешались между собой, окутав меня непреходящим туманом. Я, конечно, приспособлюсь, однако это потребует времени.

Жизнь под поверхностью земли нельзя назвать ни простой, ни однообразной. В подземном мире, вопреки тому, что думает большинство людей, жизнь бьет ключом. Если сделать подкоп глубоко вниз, то можно с удивлением обнаружить, что почва приобретает самый неожиданный цвет. Ржаво-красный, персиковый, горчичный, желто-зеленый, насыщенный бирюзовый... Люди учат детей рисовать землю лишь одного цвета. Они представляют небо голубым, траву – зеленой, солнце – желтым, а землю – коричневой. Если бы они только знали, что у них под ногами лежит настоящая радуга!

Возьмите пригоршню земли, разотрите между ладонями, почувствуйте ее тепло, текстуру, тайну. В этом маленьком комке земли микроорганизмов больше, чем людей в мире. Почва, с ее бактериями, грибами, археями, водорослями, земляными червями, – не говоря уже о древних глиняных черепках, – которые превращают органику в питательные вещества, а мы, растения, потребляем их для своего роста и развития, является очень сложной, изобильной и щедрой субстанцией. Каждый дюйм почвы – это результат тяжелой работы. И чтобы произвести нужное количество питательных веществ, требуется бесчисленное множество червей и микроорганизмов, а также сотни лет беспрестанной работы. Хорошая суглинистая почва ценнее бриллиантов и рубинов, хотя я что-то не слышала, чтобы люди ее так высоко ценили.

Дерево имеет тысячу ушей, направленных во все стороны. Я способна слышать чавканье гусениц, проедающих дыры в моих листьях, жужжание пролетающих мимо пчел, стрекот крыльев жука. Способна распознать тихое журчание воды, растекающейся по моим ветвям. Растения могут улавливать вибрации; лепестки многих цветов имеют форму чаши, чтобы было удобнее захватывать звуковые волны, частота которых слишком высока для человеческого уха.

Распростертая здесь в разгар зимы я ищу убежище в древесных снах. Нет, это мне отнюдь не наскучило, однако я уже столько всего пропустила. Мне не хватает серебряного света звезд, сияния луны на фоне ночного неба – идеальной и слегка крапчатой, как яйцо дрозда, – пьянящего аромата кофе, каждое утро просачивающегося из дома... но в первую очередь Ады и Костаса.

А еще я скучаю по Кипру. Быть может, из-за холодного климата я вспоминаю свои солнечные дни. Я могла бы стать настоящим английским деревом, однако время от времени я не сразу понимаю, где нахожусь, на какой конкретно земле. И тогда на меня накатывают воспоминания, и если я напряженно вслушаюсь, то могу снова услышать пение луговых трупиал и воробьев, посвистывание славок и связы – короче, птиц Кипра, которые зовут меня, чиркая мое имя.

Убежище

Кипр, 1974 год

Когда они встретились в следующий раз, Дефне явно была не в своей тарелке. В ее темных глазах пылал огонь дурного предчувствия.

– Той ночью я встретила на обратном пути своего дядю, – сообщила она. – Он спросил, что я делаю на улице в столь неурочное время. Пришлось изворачиваться и придумывать объяснение.

– Что ты ему сказала?

– Типа сестра занемогла и нужно было сбежать в аптеку. И что ты думаешь? На следующее утро он столкнулся с Мерьем! Спросил, как она себя чувствует, и она, добрая душа, мне подыграла. А вернувшись домой, устроила форменный допрос. Костас, мне пришлось все рассказать. Моя сестра теперь знает о нас.

– А ты ей доверяешь?

– Доверяю, – без запинки ответила Дефне. – Но если дядя уже поговорил с родителями, это совсем другая история. Мы больше не можем встречаться, как раньше.

Костас взъерошил пальцами волосы:

– Я уже давно об этом думаю. Ищу для нас безопасное место.

– Тут таких вообще нет!

– На самом деле есть одно.

– Где?

– Это таверна. – (У Дефне округлились, а затем сузились глаза.) – Я знаю, что ты собираешься сказать, и все же послушай. В течение дня там практически никого не бывает. Посетители начинают собираться лишь на закате. А до вечера только персонал. Но даже и по вечерам мы можем встречаться в задней комнате и уходить через кухню. Что куда безопаснее, чем просто шататься по улицам. В любом случае в таверне каждый живет своей жизнью.

Дефне прикусила нижнюю губу, прокручивая идею в голове.

– А что за таверна такая?

– «Счастливая смоковница».

– Ой! – Лицо Дефне сразу просветлело. – Никогда там не была, но очень много о ней слышала.

– Моя мама каждую неделю поставляет туда продукты. А я привожу им джем из плодов рожкового дерева и *мелидзанаки глико*⁶.

Дефне улыбнулась. Ей было известно, что Костас очень близок со своей мамой и нежно ее любит.

– Ты знаешь хозяина?

– Заведением владеют двое парней. Очень милые люди, хотя и полные противоположности. Один ужасно говорливый. Вечно рассказывает всякие байки и травит анекдоты. Второй – тихоня. Нужно время, чтобы узнать его получше.

Дефне кивнула, хотя и слушала вполуха. Все мучившие ее страхи разом отступили. Она вздохнула с облегчением, почувствовав прилив храбрости, и прикоснулась к губам любимого, слегка обветренным, потрескавшимся на солнце. Должно быть, он, как и она сама, постоянно кусает их.

– С чего ты взял, что они нам помогут? – спросила Дефне.

⁶ Варенье из молодых баклажанов (*греч.*).

– Что-то подсказывает мне, что они не откажут. Я уже давно наблюдаю за этими ребятами. Они честные трудяги и не суют нос в чужие дела. Прикинь, они встречают самых разных людей и никогда ни о ком не сплетничают. И мне это в них очень нравится.

– Прекрасно. Давай попробуем, – согласилась Дефне. – Но если ничего не получится, придется поискать другой выход.

Костас улыбнулся, по его жилам разлилось невероятное облегчение. И хотя он никогда не признавался Дефне, он жутко боялся, что в один прекрасный день она предложит расстаться, пока ситуация не вышла из-под контроля, поскольку встречаться стало слишком опасно, а сохранять конспирацию практически невозможно. Всякий раз, чувствуя этот страх, он заталкивал его в темные глубины души, где хранил самые тяжелые, горькие мысли. И воспоминания о своем отце.

Фиговое дерево

Прежде чем мы встретимся в таверне, я должна рассказать вам еще кое-что о себе и своей родине.

Я пришла в этот мир в 1878 году, когда султан Абдул-Хамид II, сидя на своем позолоченном троне, заключил секретное соглашение с королевой Викторией, сидевшей на своем позолоченном троне в Лондоне. Османская империя согласилась передать управление нашим островом Британской империи в обмен на помощь в отражении российской агрессии. В тот же год британский премьер-министр Бенджамин Дизраэли назвал мою родину «ключом к Западной Азии» и добавил, что «цель этого – не Средиземноморье, а Индия». Остров, не имевший, однако, особой экономической ценности в глазах Дизраэли, был идеально расположен в центре весьма прибыльных торговых путей.

Несколько недель спустя над Никосией уже развевался британский флаг. После Первой мировой войны, в ходе которой Британская империя и Османская империя были противниками, англичане аннексировали Кипр, который стал, таким образом, колонией Короны.

Я хорошо помню день прибытия британских войск, утомленных и мучимых жаждой после долгого путешествия, а также немного смущенных тем, кто именно населяет их новую колонию. Англичане, сами островитяне в душе, не смогли до конца умом постичь наш остров. Мы им казались то обескураживающе привычными взгляду, то до странного экзотичными восточными людьми.

В судьбоносный день сэра Гарнет Вулзли, первый верховный комиссар, появился на наших берегах с большим контингентом солдат в плотной военной форме: форменных брюках и красном шерстяном кителе. Термометр показывал 110 градусов по Фаренгейту. Солдаты разбили лагерь в Ларнаке на берегу соленого озера, их однослойные круглые палатки плохо защищали от палящего солнца. Уже позже в письмах к жене Вулзли жаловался: «Было крайне недальновидно посылать сюда британские полки в жаркую погоду». Но что расстраивало его больше всего, так это засушливый ландшафт. «А где леса, которыми, как мы думали, покрыт Кипр?»

Хороший вопрос, согласились мы, деревья. Жизнь нас не баловала. Стаи саранчи слишком долго разоряли остров. Густые черные тучи, пожиравшие все зеленое. Леса были истреблены: расчищены под виноградники и пахотные земли, пущены на топливо, а кое-где и намеренно уничтожены в бесконечных вендеттах. В нашем исчезновении виноваты постоянные лесозаготовки, многочисленные лесные пожары и банальное невежество, не говоря уже о вопиющем пренебрежении со стороны предыдущей администрации. И наконец, войны, от которых мы натерпелись за многие века. Завоеватели с Востока, завоеватели с запада: хетты, египтяне, финикийцы, ассирийцы, греки, персы, македонцы, римляне, византийцы, арабы, франки, генуэзцы, венецианцы, османы, турки, англичане...

На наших глазах начали происходить ожесточенные атаки на англичан во имя эннозиса – союза с Грецией, – а в начале 1950-х годов здесь взорвались первые бомбы. Мы видели, как Британский институт на площади Метаксаса и библиотека внутри здания, лучшая английская библиотека на Ближнем Востоке, были подожжены протестующей молодежью, в результате чего все книги и манускрипты, сделанные из нашей плоти, превратились в пепел. К 1955 году ситуация настолько ухудшилась, что пришлось ввести чрезвычайное положение. Местные флористы и цветоческие фермы, чей бизнес пришел в полный упадок, – возможно, потому, что людям уже не до красоты, когда страх и хаос правят бал, – теперь зарабатывали на траурных венках для похорон Гордонских горцев, пехотного полка Британской армии, и других англичан, убитых в ходе конфликта.

К 1958 году греческая националистическая организация, известная как ЭОКА, запретила использовать на острове все надписи на английском. Названия улиц на английском были

перечеркнуты и замазаны краской. А вскоре были ликвидированы и все турецкие названия. В ответ Турецкая организация обороны (ТМО) начала стирать греческие названия. И наступил момент, когда улицы моего родного города остались безымянными: лишь один слой свежей краски поверх другого слоя свежей краски, словно потеки акварели, выцветающие до неразличимого состояния.

И мы, деревья, смотрели, ждали и были свидетелями.

Таверна

Кипр, 1974 год

«Счастливая смоковница» слыла модным тусовочным местом, завсегдатаями которого были греки, турки, армяне, марониты, солдаты ООН и гости острова, быстро привыкавшие к местному образу жизни. Таверной управляли два партнера: грек-киприот и турок-киприот, обоим было слегка за сорок. Йоргос и Юсуф открыли свое заведение в 1955 году на деньги, одолженные у родственников и друзей, и с тех пор бизнес держался на плаву и даже процветал, несмотря на растущее напряжение и волнения, поразившие обе части острова.

Вход в таверну был частично закрыт вьющимися плетями жимолости. В обеденном зале вдоль и поперек потолка тянулись толстые почерневшие балки, с которых свисали связки чеснока, лука, сухих трав, перца чили и вяленые колбасы. В зале имелись двадцать два столика с разномастными стульями, деревянная барная стойка с дубовыми табуретами и гриль на углях в глубине, откуда ежедневно тянулся запах свежих лепешек, а также соблазнительные ароматы жареного мяса. Даже при наличии дополнительных столиков на патио каждый вечер таверна забивалась под завязку.

«Счастливая смоковница» была заведением с собственной историей и с собственными маленькими чудесами. Здесь делились рассказами о триумфах и страданиях, расплачивались по старым счетам, смеялись и плакали, признавались и давали обещания, исповедовались в грехах и поверяли секреты. В этих стенах незнакомцы становились друзьями, друзья – любовниками; угасающее пламя разгоралось с новой силой, разбитые сердца исцелялись или окончательно разбивались. А сколько младенцев было зачато после веселого вечера в таверне! «Счастливая смоковница» самым непостижимым образом и по-разному накладывала отпечаток на жизнь людей.

Но когда Дефне вслед за Костасом впервые вошла туда, она ничего этого еще не знала. Убрав за ухо непослушную прядь волос, она с любопытством огляделась вокруг. Таверну, похоже, оформлял человек, явно обожавший синий цвет. Дверной проем, с висящими нитями бус – «глазом Фатимы» – и конскими подковами, прибитыми над притолокой, был ярко-лазурным. Скатерти в сине-белую клетку, занавески цвета насыщенного сапфира, настенная плитка с аквамаринным рисунком и даже ленивые разлапистые потолочные вентиляторы того же оттенка. Две колонны были увешаны фотографиями знаменитостей, посетивших ресторан с момента его открытия: певцов, актрис, телезвезд, футболистов, дизайнеров одежды, журналистов, чемпионов по боксу...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.